

Кир Булычев

НАСЛЕДНИК

Река Хронос

Кир Булычев

Наследник

«ЭКСМО»

1992

Булычев К.

Наследник / К. Булычев — «Эксмо», 1992 — (Река Хронос)

Самым главным своим литературным проектом в последние годы жизни Кир Булычев считал цикл романов «Река Хронос». Автор могучей писательской волей отправил путешествовать по реке времени молодых людей начала прошлого столетия – Лидочку и Андрея Берестовых, дав им возможность прыгать через годы, с таким расчетом, чтобы они прошли весь XX век молодыми.

© Булычев К., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кир Булычев

Наследник

*Что войны, что чума? Конец им виден скорый;
Их приговор почти произнесен.
Но как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен?*

Анна Ахматова

Глава 1

Август 1913 г

Тетя Маня проявляла настойчивость.

– Не мне же ехать к Сергею Серафимовичу. Я ему никто. А тебя он хочет видеть. Ты читал его письмо.

– Я поеду в субботу.

– За день до поезда? Это легкомысленно. Разговор будет касаться твоего будущего. Такое за полчаса не делается.

– Зачем нужны эти церемонии? Если человек хочет мне помочь, можно сделать это без Каноссы.

– При чем тут Каносса? Ты обязан проявить уважение к человеку, который столько для нас сделал.

– Я ему благодарен, да, благодарен! – сказал Андрей с вызовом.

Одна оса, поумнее, снизилась к блюдечку с медом и без помех сосала, приподняв полосатое брюшко. Вторая, глупая, вилась перед лицом Андрея, норовя вцепиться в ломоть намазанного медом хлеба. Мед стекал с ломтя, и приходилось крутить хлеб в руке, чтобы подхватывать языком капли, готовые упасть на колени. Солнце било в маленькое окошко, отражалось от самовара и от стеклышек пенсне тети Мани. Пенсне удивительным образом не шло тете, противоречило ее полному красному лицу и носу-картошке. Но тетя Маня полагала пенсне неизменным атрибутом интеллигентной дамы, служащей по симферопольскому ведомству императрицы Марии Федоровны.

– Я вчера поговорила с Керимовым, – продолжала тетя, игнорируя возмущение Андрея. – Все складывается как нельзя лучше. Ахмет сегодня едет в Ялту. Он захватит Колю Беккера. Вы сложитесь, выйдет совсем недорого.

– Ты уже и это организовала? – Андрей хотел скептически усмехнуться, но мед все же капнул с ломтя, к счастью, на скатерть. Андрей взял ложку, чтобы подобрать каплю со скатерти, а глупая оса спикировала вниз, полагая, видно, что капля предназначена ей. – А почему Коля едет в Ялту? – спросил Андрей.

– Об этом спросишь у него, – резонно возразила тетя. – Ты еще будешь пить чай?

– Жарко.

– За перевалом куда прохладнее. Ирина Тимофеевна провожала вчера в Гурзуф Барятинских. Там просто рай земной. Я уложила желтый чемодан.

Андрей поморщился. Его жизнь была предусмотрена тетей в малейших деталях, и Андрей даже опасался, сможет ли управлять ею сам в Москве. Весь восьмой класс он сладостно мечтал о том дне, когда сядет в поезд и свергнет гнет тетушкиной предусмотрительности. А теперь, когда до отъезда остались считанные дни, он начал малодушничать, так как не знал, как сдать белье прачке и что следует говорить кондуктору в поезде.

- Ты отвезешь Сергею Серафимовичу банку моего черешневого варенья, – сказала тетя.
- Еще чего не хватало!

– Он специально просил меня об этом в письме. Ты же знаешь, что мама всегда варила это варенье.

Тетя Маня поглядела на мамину фотографию, висевшую на стене в черной рамке. Мама была в большой шляпе с цветами, и оттого лицо ее казалось маленьким, хотя Андрей запомнил ее как нечто большое и теплое – ему было три года, когда мама умерла. Тетя Маня забрала его из Ялты, где они жили последние годы, потому что у мамы была чахотка. Сергей Серафимович остался там. Настоящего отца Андрей не знал.

Все это было странным. Нина, сестра Коли Беккера, как-то сказала ему:

- Ты, Андрэ, такой загадочный. Я не удивлюсь, если окажется, что твой настоящий отец – Великий князь.

Андрей знал, что маму обесчестил Некто, а Сергей Серафимович женился на ней, когда Андрей был грудным младенцем, но почему-то в отличие от иных семей Сергей Серафимович, дав ему свою фамилию, не пожелал считаться его отцом. Тетя Маня говорила, что эта жестокость по отношению к сироте была одной из причин, приведших маму к ранней смерти. Андрей тоже был обижен на отчима.

...Ему было лет семь, и на лето, как обычно, он поехал к отчиму. В доме были гости. Андрюшу ласкали душистые дамы, а толстый бородатый поэт качал его на упругом колене. В саду, у столика, стройный седой Сергей Серафимович разливал по бокалам шампанское. Андрей увидел, как через дорожку к отчиму семенит громадный тарантул. Андрей испугался, что тарантул укусит Сергея Серафимовича. И он закричал:

- Папа! Папа! Смотри!

Он побежал к тарантулу, чтобы прогнать его, – совсем не испугавшись за себя. Сергей Серафимович подхватил Андрея, держа его на руках, шагнул к тарантулу и быстрым движением раздавил его. Потом сказал:

- Я не твой папа. Ты же знаешь.

Вряд ли многие слышали эти слова, дамы заверещали, поэт пожал Андрюше руку и сказал, что он – наш маленький герой. Но Андрей полагал, что эти слова были громче грома, и возненавидел отчима. Той же ночью он ушел пешком в Симферополь. Он шел всю ночь, а с рассветом заснул у нижней дороги, чуть не доходя до Ай-Даниля. Там его нашли татары, которые ехали в Ялту на базар. Он проснулся, стал вырываться и не хотел никому рассказывать, кто он и как его зовут. Татары смеялись. Один из них, усатый, крепкий, от него пахло луком и потом, держал Андрея на руках. Они довезли его до городского, что стоял у въезда в город, а тот узнал мальчика. Вышла дополнительная обида, потому что никто Андрея не хватился. Сергей Серафимович еще спал, а его экономка Глафира кормила на дворе кур. Она думала, что мальчик в своей комнате.

Глафира начала причитать, куры закудахтали, Сергей Серафимович вышел, кутаясь в длинный халат, дал городовому полтинник и пожал ему руку. Когда городской ушел, он сказал:

– Мне неприятно думать, что я тебя обидел. Прости меня. Я хотел тебе сказать об этом еще вчера ночью, но решил, что ты ушел спать. Но если бы я позволил тебе называть меня отцом, это была бы неправда.

- Я хочу домой, – сказал Андрей.

– Я не волен тебя задерживать, – сказал Сергей Серафимович. – Глаша, покорми Андрея, а потом позови извозчика. Андрюша возвращается в Симферополь.

Глафира стала спорить, она даже топала крепкой загорелой ногой. Глафира была молодая и красивая, и Андрей был благодарен ей за то, что она ругает Сергея Серафимовича. Но тот закурил свою длинную темную трубку и ушел в кабинет...

* * *

– Ты задумался? – спросила тетя Маня. – Ты меня не слушаешь.

– Я слушаю, – ответил Андрей. – Ты сказала, что на перевале может быть дождь.

– Я сказала, чтобы ты взял с собой зонт. Я бы не хотела, чтобы ты простыл перед самым отъездом в Москву.

– Я не простыну.

– Я написала письмо Сергею Серафимовичу, – сказала тетя Маня. – Этим я избавляю тебя от необходимости самому поднимать вопрос о деньгах, так как полагаю, что тебе это неприятно.

– Спасибо.

Все-таки тетя – замечательная женщина.

Андрей допил остывший чай. Солнце поднялось выше, и квадрат света переместился со стены на пол. У Сошинских, за невысоким каменным забором, лаял Булька. Тетя Маня встала из-за стола и пошла собирать Андрею чемодан. От ее шагов вздрагивали и скрипели половицы. Осы улетели, а над блюдечком вилась муха. Вдруг стало очень тихо. Светло и тихо. Словно закончилась глава и пора перевернуть страницу.

Оставалось занести книги в гимназическую библиотеку. Тетя Маня аккуратно завернула их в голубую бумагу и перевязала шпагатом.

Андрей пошел по Госпитальной, столь многократно искоженной и избеганной, что сделало ее незамечаемой и будто невидимой. Но тут, расставаясь с ней, Андрей увидел улицу будто впервые.

Улицы в той части Симферополя были схожими, Госпитальная – не исключение. Они состояли большей частью из приземистых одноэтажных домов, сложенных из ракушечника и оштукатуренных, выходивших фасадами в три-четыре окна на тротуары, под сень акаций. Среди этих домов не было особенно богатых или очень бедных: бедность угадывалась по осыпавшейся штукатурке или покосившимся воротам, достаток – по колоннам в два метра высотой, приклеившимся к фасаду. Настоящая жизнь домов скрывалась за высокими воротами, за узкими калитками, в глубине, в садике за домом, куда выходила веранда, где по траве бродили куры, там устраивали стирку или выносили большой стол для свадьбы. Андрей не мог бы сказать, красива улица или нет.

Перистая тень редких акаций не давала прохлады. Дождей давно не было, и город был покрыт серо-желтой пылью, от которой свербило в носу. Улица была пуста: все, у кого были в городе дела, старались сделать их пораньше, по холодку, и уже спрятались в садиках или комнатах.

Ближе к центру, на Екатерининской, вид города изменился. Появились дома в два и даже три этажа, совсем европейского вида. Первые этажи многих домов были заняты магазинами, витрины которых были укрыты от солнца полосатыми, с фестонами, маркизами. Привычному взору Андрея магазины казались бедными и скучными не потому, что были такими на самом деле, а потому, что в мыслях он гулял уже по Тверской или Никольской и симферопольское благополучие было провинциальным и мелким по сравнению со столичной жизнью, которая ожидала Андрея.

Народу и в центре было немного. Редкие покупатели брели от витрины к витрине, скрываясь порой в недрах магазинов.

Андрей зашел в кондитерскую Циппельмана – там всегда было прохладно и подавали кофе глясе со льдом. В кафе было пусто, толстенная Фира, дочка Циппельмана, обрадовалась Андрею. Они были знакомы – ее младший брат Илья учился в одном классе с Андреем.

Она не спрашивала, что ему подать, – сразу принесла высокий бокал с кофе и отдельно на блюде наколотого льда.

– Только не глотайте помногу, – сказала она, – может быть ангина. Я слышала, что вы уезжаете в Москву? Это так? Вы будете адвокатом? Мне рассказывал Илья, что вы будете адвокатом, как жаль, что вы нас забудете, но когда вы откроете свою практику, то я буду к вам ходить и жаловаться на соседей.

Андрей смотрел на раскаленную улицу. Как быстро течет жизнь, думал он, не прислушиваясь больше к милой болтовне Фиры, да та и не претендовала на его внимание – был бы слушатель, а слушает он или нет, разве это так важно? Через несколько дней он уже будет в Москве – предусмотрительная тетя стоворилась о недорогой комнате с полным пансионом у своей бывшей сослуживицы, это было правильно, но как бы продолжало тетину опеку даже на расстоянии. Бывают моменты, когда человек в восемнадцать лет чувствует себя страшно старым, прожившим столь долго, что непонятно, зачем жить дальше.

Это не значит, что такие настроения были свойственны характеру Андрея, – еще вчера он находился в возбуждении от предстоящей свободы и новых событий. Но то ли сегодняшняя жара, то ли нужда ехать в Ялту к отчиму стерли завтрашнюю радость. Оказалось, что расставание с Симферополем не столь радостно.

По улице проехал черный длинный открытый автомобиль с такими большими фарами, будто произошел от стрекозы. В автомобиле сидели две немолодые дамы в широкополых белых шляпах и оживленно разговаривали. Еще в прошлом году в гимназии соревновались: надо было угадать, кому из именитых людей принадлежит автомобиль или экипаж. Автомобили стали частыми гостями в городе – их приобрели многие знатные семейства, имения и виллы которых были в Ялте, Гурзуфе, Ливадии, но этот автомобиль был новым, его Андрей раньше не видел. Правда, дама постарше показалась ему похожей на императрицу Марию Федоровну – милое, доброе, домашнее, совсем еще не старушечье лицо.

Андрей подошел к стойке и положил мелочь.

– Ну как вам не стыдно, Андрюша, – сказала Фира. – Завтра вы придете к нам домой и станете давать мне на чай.

– Так вы разоритесь, – сказал Андрей. – Пол-Симферополя будут пить и есть у вас бесплатно.

– Ах, оставьте, – сказала Фира жеманно и сделала ручками движение, как в последней синефильме, которую показывали на той неделе в «Орионе».

Шагая по Екатерининской, Андрей издали увидел купол гимназической церкви, а затем белый фасад Александровской гимназии. Двухэтажное здание было погружено в летнее опенение.

Андрей толкнул тяжелую дверь, и она заскрипела. Он подумал, что никогда раньше не слышал, что дверь скрипит, – не было нужды подходить к этому зданию в одиночестве и тишине.

Внутри было прохладно и пусто. Справа собранием рогов охотника на оленей тянулась пустая раздевалка, дверь в швейцарскую была открыта, но комната пуста. Андрей поднялся на второй этаж, заглянул к себе в класс. Его парта была второй в дальнем ряду. На черной доске почему-то написано «Кроликъ опочилъ». Может, пройти и сесть за свою парту? Глупо – а вдруг кто-нибудь зайдет и увидит.

Андрей прошел дальше, заглянул в актовый зал. От пола до потолка возвышался портрет Александра Благословенного, именем которого была названа гимназия. Александр был в высоких ботфортах, белых лосинах и без головного убора. Вид у него был глуповатый, о чем раньше Андрей никогда не смел догадываться. Андрей непроизвольно взглянул вверх. Там висела громадная тяжелая люстра. Именно с ней было связано его преступление в третьем классе. Тогда в зале заседал учительский совет, решавший вопрос об исключении Коли Бек-

кера, друга Андрея, который учился классом старше и был пойман на тяжелой гимназической провинности – он подделал подпись классного наставника в дневнике, потому что трепетал перед своим отцом. Надо было совет сорвать, и они с Колей не придумали ничего лучше, как забраться на чердак, потому что знали, что один из болтов, крепивших люстру к металлической пластине, выпал и сверху можно заглянуть в зал. С собой они взяли пакет нюхательного табака и высыпали его в зал, полагая, что расчихавшиеся педагоги сами прервут роковую встречу.

Именно в тот момент сам директор, толстый низенький Федор Федорович Карабчинский, поднял, сучая, голову и увидел, как порошок тучей опускается вниз. Злоумышленников поймали, а так как Коле Беккеру и без того было достаточно неприятностей, Андрей взял всю вину на себя. Директор отвез его на извозчике домой и, стоя в воротах дома и держа Андрея за руку, кричал выбежавшей тете Мане:

– Больше он в мою гимназию ни ногой!

А отважная тетя отвечала, блестя пенсне:

– Простите, господин Карабчинский. Это не ваша гимназия, а казенная. Я оставляю за собой право обращаться к попечителю...

Андрей вежливо поклонился лукавому императору и сказал:

– Боюсь, что больше нам с вами не встретиться.

Император не ответил. Да и будет ли император отвечать вчерашнему гимназисту?

Андрей прошел в конец коридора и толкнул дверь в библиотеку.

Грудзинский был у себя. Его шаткий стол был придавлен двумя стопками книг, в ущелье между которыми блестела его склоненная лысина. Андрей поздоровался.

– Здравствуйте, Берестов. Я убежден, что ваша тетя заставила вас принести книги. Иначе бы я вас так и не увидел.

Грудзинский поднял голову, отложил школьную ручку и рассмеялся. Кончики длинных усов колыхались от смеха. Грудзинский был из ссыльных поляков, он говорил с мягким польским акцентом и был так стар, что гимназисты верили, будто он стоял когда-то во главе мятежа 1863 года.

Андрей положил книги на стол.

– Вы подали в университет? – спросил Грудзинский.

– В Московский.

– Похвально. На юриспруденцию?

– На исторический.

– Вдвойне похвально. История – мать всех наук, хотя философы рассуждают иначе. Вы будете у Сергея Серафимовича?

– Я сегодня еду в Ялту.

– Тогда не откажите в любезности, передайте ему журналы, которые я обещал, да все нет оказии.

Грудзинский поднялся из-за стола, захромал к полкам, скрылся из глаз, принялся шуршать журналами.

– Я отношусь с почтением к Сергею Серафимовичу, – слышен был голос Грудзинского. – С его умом и образованностью было преступлением заживо похоронить себя в нашей глуши.

– Вы его давно знаете? – спросил Андрей.

– Мы учились вместе в Гейдельбергском университете. В отдаленные времена.

«Странно, – подумал Андрей, – еще вчера Грудзинский был для меня одним из Взрослых. Отныне мы просто знакомы. Отчим никогда не рассказывал, что учился в Гейдельбергском университете».

Грудзинский вынес стопку журналов. Журналы были на немецком языке. В серых шершавых обложках.

– Я завидую вам, – сказал Грудзинский, – что вы имеете возможность беседовать и пополнять свои знания путем общения с паном Берестовым.

– Я пойду, – сказал Андрей. – Ахмет Керимов отвезет нас в Ялту вместе с Беккером.

– Коля Беккер здесь? Жаль, что он не зашел. Я всегда предсказывал ему большое будущее.

Старик проводил Андрея до дверей, словно принимал его в родовом замке.

– Кланяйтесь отчиму. Нижайший поклон.

* * *

Андрей вернулся домой, взял чемодан, собранный тетей. Тетка перекрестила его, передала письмо для Сергея Серафимовича. И тут как раз вошел Ахмет. Он был одет в костюм шоффера, вернее, костюм, который должен носить шоффер в понимании Ахмета: кожаная черная куртка, фуражка с очками, прикрепленными к тулье. Но брюки у него были, как у Андрея, – гимназические, правда, заправленные в сапоги.

– Господа, – заявил он с порога, – мотор подан!

– Ахмет, – сказала тетя, – в этой компании я доверяю только вам. Держите корзину. В ней продукты на дорогу. Андрей обязательно что-нибудь разобьет.

– Я в этом уверен, Мария Павловна, – сказал Ахмет, показывая очень белые зубы. Ахмет всегда кого-то играл. – Твоя моя мало-мало пожевать давай, барыня! – Сегодня он был татарским извозчиком.

– Поезжайте с Богом, – сказала тетя. – А то на перевале ночевать придется.

Пролетка стояла у ворот. Андрей дал Тигру кусочек сахара.

– Вы его балуете, милорд, – сказал Ахмет. Он забрался на облучок и передал Андрею корзину. – Беречь пуще ока. Особое задание Ея Императорского Величества. Надеюсь, там нет свинины, которую не переносит моя исламская честь?

– Трогай, – сказал Андрей. – Только не трясси. А то молоко свернется.

Сиденье было раскаленным. Ахмет забыл поднять верх. Андрей поднял верх и стал укреплять его. Ахмет увидел, что он привстал, и стегнул Тигра. Тот сразу взял с места, Андрей упал на сиденье, полотно накрыло голову. Ахмет расхохотался.

Коля Беккер стоял в тени акации у своего дома, держа в руке новенький саквояж. Он был в форме института путей сообщения, полупогончики надраены до блеска, белый китель излучал особое сияние.

– Господам кавалергардам наше почтение! – закричал Ахмет издали.

Коля поднял руку в белой перчатке, принимая парад.

За зиму он отрастил небольшие усики и баки. Андрей полагал, что в Коле появилось нечто фатовское, он всегда был склонен к внешним эффектам. Но человека надо принимать таким, какой он есть. Иначе растеряешь друзей. Это были слова тети, и Андрей сразу угадал их в собственных мыслях.

* * *

Коля Беккер тратил немало усилий, чтобы никто не догадался, как он жестоко, катастрофически беден. Хотя все об этом знали. Его отец работал кондуктором на железной дороге, попал лет пять назад под поезд и остался без ноги. Мать часто хворала. Существовали Беккеры на отцовскую пенсию.

Андрей своей бедности никогда не стеснялся. Может, потому, что она была умеренной бедностью. Вот если бы он сейчас разорвал брюки, это не трагедия. Для Коли такое событие было бы катастрофой.

Андрей учился с Ахметом в одном классе, Коля годом старше. Обычно дружат в своем классе, следующий год скрывается, как за пропастью. Но все трое жили в Глухом переулке, знакомы были с раннего детства. И в их отношениях – может, это и льстило Коле – табель о рангах вовсе не зависела от имущественного положения. Коля был умнее, смелее, элегантнее приятелей. У него были лучше манеры, нежели у сына разбогатевшего возчика Ахмета и обыкновенного Андрея.

* * *

С перевала спускались быстро, пока море еще светилось вечерней синью, а чем ниже, тем более воздух густел и становился парным и шелковым.

Их обогнал автомобиль. Сначала сзади ударили лучи больших фар, затем взвыл клаксон. Автомобиль был длинным, открытым, Андрей успел увидеть двух дам в белом на заднем сиденье и офицера рядом с шоффером.

– Я знаю, кто это, – сказал Коля.

– И я узнал авто, – сказал Ахмет. – Только ты не прав, думая, что это сама вдовствующая императрица. Это ее фрейлины. Я их видел в городе. Они покупали что-то у Фока.

– А я и не говорил, что это Мария Федоровна. Я бы ее узнал.

Спор был пустым, потому что в темноте нельзя рассмотреть, ехала ли в автомобиле сама императрица. Коля был монархистом, пожалуй, единственным в их классе. Многие, как и Андрей, выступали за парламентаризм и даже склонялись к социализму. Но не Беккер. Политическая позиция Ахмета была неопределенной, то есть ее попросту не было. И Ахмет отлично без нее жил. В классе Андрея было два татарина. Но Исламов был крещеный, а Ахмет – магометанин, что вызывало в младших классах глубокую зависть Андрея, потому что Ахмет не ходил на закон Божий.

За поворотом открылись, потом снова пропали тусклые уютные огоньки Алушты.

– У дяди переночуем, – сказал Ахмет. – Он ждет.

* * *

Видно, скрип колес в доме угадали издали, потому что пролетка еще не успела остановиться, как ворота распахнулись и с фонарем в руке появился хромой дядя Махмуд, за ним пятеро его сыновей, а в глубине двора, за платаном, выстроились, щебеча, женщины и девочки этого семейства, число их превышало всяческое воображение. Ахмет серьезно утверждал, что у дяди три жены и он присматривает себе четвертую, ибо это разрешено Кораном, от всех жен есть дети, к тому же в доме живут вдовая племянница, дальние родственники и, уж конечно, сам Керим-Оглу, общий дедушка в зеленой чалме, потому что он хаджи.

Семейство было бедным и относилось к младшему брату, отцу Ахмета, который занимался в Симферополе извозом и имел каменный дом, с почтением, но, если верить Ахмету, никогда не просило денег, все там трудились – кто на маленьком винограднике, кто торговал, кто разносил фрукты и овощи по виллам и пансионатам.

Молодым людям постелили на плоской крыше. Звезды были иными, чем в Симферополе, – ярче и ближе. Воздух был напоен забытыми за год влажными запахами.

К утру стало прохладно. Андрей проснулся от шума прибора. Он спал на спине, потому, открыв глаза, увидел светлое небо, лишненное еще цвета, но легкие, как рваное кружево, облака уже начали розоветь, подкрашенные невидимым солнцем. Конечно же, подумал Андрей, потягиваясь и ощущая силу и стремление к движению, прибрежным жителям трудно поверить в шарообразность Земли – они ведь ясно видят с берега край моря, обрыв, в который проваливается солнце, чтобы, проплывав ночь в темных подземельях, снова взойти над краем мира.

Коля Беккер еще спал – лишь прямой нос и прядь светлых волос были видны из-под кошмы. А Ахмет уже поднялся – его голос был одним из негромких голосов, гортанно и мягко сплетавшихся внизу, во дворе.

Через час, позавтракав легко – татарской простоквашей с теплыми лепешками, снова пустились в путь. Дорога сначала шла берегом моря, потом поднялась выше, влилась в недавно законченное верхнее шоссе. С его покойным строителем, скандально популярным среди молодежи романами «Гимназисты» и «Студенты» писателем Гариным-Михайловским, дружил отчим.

Верхняя дорога, прямая и широкая, прорезала, не жалея, татарские деревни, виноградники и сады. Деревни еще не пристроились к дороге, словно не заросли рубцы. Зато те, что жили у нижней, теперь значительно опустевшей дороги, остались как бы не у дел. Все, кроме приезжих, были недовольны.

Говорили мало – наговорились вчера. Когда проехали Гурзуф, Ахмет вдруг спросил:

– Коля, а ты чего в Ялте потерял?

– Ничего. – Коля было задремал, привалившись к Андрею.

– Я еду в Ялту по делу, Андрей по делу. А ты почему без дела?

– Отдохнуть хочу, проветриться... Вечером приглашаю. Познакомлю с дамами.

– Ротшильду некуда деть миллион, – сказал Ахмет. – Давай лучше я его в дело вложу.

– В восемь у гостиницы «Мариано», – сказал Беккер. – Форма одежды – выходная.

– Я не смогу, я на службе, – сказал Ахмет.

Дорога стала оживленной. Приближались к Ялте.

У Массандры съехали вниз, почти к самому морю. Среди виноградников мелькали татарские домики.

* * *

Ахмет высадил Андрея у порта.

Андрей пошел не вверх, а по берегу моря, вдоль подпорной стенки за портом. Он смотрел на пароходики и шхуны. Далеко по морю шел миноносец. Андрей когда-то хотел стать гардемаринком.

Затем он свернул от моря вверх. Сразу, за первым же поворотом, стало жарче, ветерок не мог одолеть подъема. Андрей остановился и поглядел на экипажи на набережной. В порт входил пароход.

Зеленая, вогнутая, грандиозная, подобная театральному занавесу стена Ай-Петри превращала Ялту в бело-розовую бахрому, лежавшую там, где занавес касался моря.

И тогда Андрей радостно понял: он вернулся. Он и не подозревал о существовании в себе этой радости, а если она возникала в подсознании, гнал ее, стыдясь.

Наверху, замыкая кривую улочку, возникла над темной зеленью черепичная крыша белого дома.

Андрей не был у Сергея Серафимовича больше года, а казалось, что ушел отсюда только вчера. Незыблемость, постоянство этого дома выражались не в стенах или даже растениях сада – они виделись Андрею в деталях, словно он снова, через годы, поглядел на знакомую картинку волшебного фонаря, изображающую ялтинскую набережную с извозчиком, едущим мимо гостиницы «Франция», и той же дамой в черной шляпе, сидящей у чугунной решетки, что отделяет набережную от моря.

Прежде чем одолеть последний крутой подъем улочки, Андрей, уморившись, поставил чемодан на плоский камень. Он уже знал, что сейчас в щель под воротами протиснется белый мохнатый Филька и помчится к нему, вертя хвостом так, что хвост станет подобен пропеллеру летящего аэроплана.

Филька выскочил из-под ворот, подбежал к Андрею и принялся прыгать вокруг, стараясь дотянуться языком до лица гостя. Ввиду малого своего размера допрыгнуть он не мог, бил передними лапами по пряжке гимназического ремня и заливался, лаял так, что звенело в ушах. Андрей подобрал чемодан и пошел к калитке. Он знал, что калитка сейчас растворится и в ней появится Глаша, темно-рыжая, белокожая, несмотря на то что весь день проводила на воздухе, налитая здоровьем и спокойным весельем. И скажет...

Калитка распахнулась. Глаша стояла в ней, держа в руке миску с размоченным хлебом, которым кормила кур.

– Андрюша, – пропела она. – Счастье-то какое!

Если тетя Маня Андрея любила, потому что ей больше некого было любить и именно он был центром и смыслом ее жизни, то Глаша видела Андрея, дай Бог, раз в год, но каждая новая встреча начиналась так, словно Андрей вышел на минутку, но даже это минутное расставание для нее – искреннее горе.

Глашу Андрей помнил с раннего детства – когда мать умерла, ему было три годика, и потому он не был уверен, воспоминания о женских белых руках и нежной ласке – воспоминание ли это о руках матери или Глаши, которая тогда была совсем еще юной девушкой, младше, наверное, чем Андрей сегодня. Но за пятнадцать лет, прошедшие с тех пор, она почти не изменилась – только стала статной и даже царственной, если в доме были посторонние. А для своих осталась прежняя Глаша – юбка подобрана, чтобы не испачкать подол в хозяйственной беготне, икры крепкие, ступни широкие, все налитое, круглое, все выпуклости тела норовят разорвать ситцевое платье. Андрей подозревал, что Глаша сожительствует с отчимом, но ревности не испытывал и обиды тоже. Мать умерла слишком давно, и отчим – свободный человек.

– Андрюша, – пропела Глаша. – Заходи, чего ты стоишь.

Она поставила миску на землю и схватила чемодан – Андрей даже не успел удержать его. Свободной рукой притянула к себе его голову, наклонила, поцеловала его в щеку, с чмоком, весело. От нее пахло здоровым телом, солнцем, травой.

– Ты языческая богиня, – сказал Андрей.

– Языческие голые бегали, – засмеялась Глаша. Зубы у нее были ровные, белые, молодые. – А нам нельзя.

– А хотелось бы?

– Андрюша, как не стыдно! Я же старая женщина, я свое отбегала.

Они шли рядом по широкой дорожке. Куры семенили за ними белой процессией, Филька на кур внимания не обращал, он носился вокруг. Сергей Серафимович вышел из двери, остановился на верхней ступеньке. Он держал в зубах длинную трубку, словно не выпустил ее за прошедший год.

– Наконец-то, – сказал он. – Я уж боялся, что ты укачишь в Москву, не попрощавшись.

Сергей Серафимович тоже не изменился. Андрей так и не знал, сколько ему лет. Что за шестьдесят – это точно. Сергей Серафимович совершенно сед, хотя волосы не поредели и даже чуть выются. А усы, как ни странно, темные, в желтизну, от постоянного курения. В отличие от белокожей Глаши он смуглый, но это от солнца – потому что в глубоких морщинах, идущих от углов рта, и у глаз кожа светлее. Сергей Серафимович всегда чуть щурился, и лицо его было склонно к улыбке, правда, улыбка эта холодная, как бы формальная. По крайней мере Андрею она не нравилась.

На Сергее Серафимовиче была, впрочем как всегда, свободная светлая толстовка и холщовые брюки, однако он умудрялся носить эту цивильную одежду словно мундир преображенца.

– Здравствуйте, Сергей Серафимович.

Глаша рядом горестно вздохнула. Она все надеялась, что любимые ее мужчины сблизятся, найдут нужные слова, чтобы понять – ведь они самые близкие на свете! Глаша покорно

и с готовностью подчинялась любому мнению или слову Сергея Серафимовича. Лишь в одном ему перечила вслух: в холодности к пасынку.

Сергей Серафимович пропустил Андрея в дверь. Но следом не пошел, а сказал:

– Иди вымойся, приведи себя в порядок. Жду тебя на веранде.

С широкой веранды второго этажа открывался удивительный вид на Ялтинскую бухту. Правда, сейчас, к середине дня, солнце немилосердно светило с зенита, отчего море выцвело, а дома на набережной скрывались в дымке. С обрыва Ай-Петри выбегали маленькие, робкие, шустрые облачка и тут же таяли от страха, увидев такой жаркий простор. Белый пароходик ошвартовался у мола. Видно было, как муравьишки-матросы сбросили трап и пассажиры спускаются на мол.

– Ну что ж, – сказал Сергей Серафимович, выходя на веранду. В руках его был поднос, на нем серебряная ладья со льдом, в которой покоилась бутылка шампанского, и два бокала. – Давай сначала отметим твое вступление в самостоятельную жизнь.

На веранде стояли плетеные низкие кресла и под стать им круглый стол. Андрей подумал, что и год, и три назад они стояли точно на тех же местах. Только шампанского ему не предлагали.

Отчим ловко открыл пробку и разлил шампанское по бокалам, не пролив ни капли. У него были большие крепкие руки с длинными пальцами. Тетя говорила, что у Сергея Серафимовича руки хирурга.

– Прозит! – сказал Сергей Серафимович.

Шампанское было холодное, шипучее, кислое. Словно специально придуманное для такой жары.

– Теперь давай письмо Марии Павловны, – сказал отчим.

– Как вы догадались?

– Догадываться не надо, – ответил Сергей Серафимович, – надо немного знать людей. Твоя тетя преисполнена гордыни разночинки. И она полагает, что ты также должен быть подвержен этой болезни. Поэтому, чтобы избавить тебя от нужды обращаться ко мне с вопросами имущественными, она предпочла пойти на жертву.

– Я также подвержен этой болезни, – сказал Андрей.

– Следует избавляться, – сказал отчим, принимая узкий голубой конверт.

Он вытащил письмо из конверта, мгновенно пробежал его глазами. Андрей отвернулся к перилам.

– Я мог бы выиграть у тебя пари, – сказал Сергей Серафимович, – пересказав содержание письма, даже не разворачивая его.

– Это нетрудно, – сказал Андрей.

– Могу заверить тебя, – сказал Сергей Серафимович, – что и без трогательного послания Марии Павловны я бы предпринял те шаги, к которым она меня призывает. Если тебя не коробит, давай обговорим эти проблемы, а потом уж с чистым сердцем приступим к обеду.

Андрей кивнул. Сергей Серафимович, который, как понял Андрей, тоже чувствовал себя неловко, старался говорить иронично, как бы показывая, что все это мелочи, не стоящие внимания.

– Мало ли что может со мной случиться, – сказал Сергей Серафимович. – Я немолод и не так здоров, как хотелось бы. К тому же, заглядывая в будущее, я вижу в нем трагические события и перемены.

Андрей удивился, и удивление было очевидно.

– Не поднимай бровей, – холодно улыбнулся Сергей Серафимович. – Я умнее тебя.

Люди в разговоре не говорят таких слов, тем более столь уверенно и просто. Андрей и без того допускал, что отчим умнее его, но тем неприятнее показалась реплика.

– Вы имеете в виду Балканскую войну? – спросил Андрей.

– Глупости, – сказал Сергей Серафимович. – Я имею в виду большую войну, которая начнется не позже чем через год.

– Кого с кем? – спросил Андрей. – Франция с Англией вроде бы поделили свои колонии.

– Это будет мировая война. Но никто не хочет и не может осознать масштабов этого бедствия.

– Для мировой войны, – сказал Андрей, впервые услышавший такое словосочетание, – требуется Наполеон.

– Идиотизм мировой войны заключается в том, что для нее не понадобится Наполеон. Ее будут вести банальные генералы, а в самом деле воевать будут Крупп с Путиловым.

– У нас в классе был Горяинов, – сказал Андрей. – Он называл себя эсдеком, даже ходил на собрания. Он был бы вашим союзником.

– Через год ты будешь шагать по Красной площади с трехцветной кокардой и искренне вопить: «Смерть бошам!»

– Сергей Серафимович, – обиделся Андрей, – вопить вообще не в моих правилах.

– Прости, вопить будет толпа, ты будешь сочувствовать ее позывам.

– Надеюсь, что ваше предсказание не сбудется.

Сергей Серафимович наполнил бокалы. Шампанское уже немного согрелось.

– Каждый остается при своем мнении, мой мальчик, – сказал Сергей Серафимович. – Я делюсь с тобой своими тревогами, но ты вправе счесть их стариковской воркотней.

Андрей вдруг увидел, что у Сергея Серафимовича старая шея. Кожа была не человеческой, а как у пресмыкающегося – словно у исхудавшего хамелеона.

– Я обязан думать о твоём будущем, – продолжал старик, – так как ты пока думать о нем не способен. Ты вообще бы предпочел сейчас фланировать по набережной со знакомой восьмиклассницей семнадцати лет от роду. Год в твоей жизни – дистанция экстраординарная. Для меня это – минута.

– Честное слово, я не могу встать на вашу позицию, – сказал Андрей. – Хоть у меня и нет на примете восьмиклассницы, я бы предпочел сейчас фланировать по набережной.

Возможно, это прозвучало вызовом, но Сергей Серафимович вызова не заметил.

– Не исключено, – сказал он, – что ты изменишь свою точку зрения куда скорее, чем предполагаешь. А я постараюсь тебе помочь.

– Как? Состарив меня?

– Поток времени скор и непостоянен, – сказал Сергей Серафимович, словно не обращая к Андрею, а подумал вслух.

Андрею хотелось еще шампанского, но неловко было самому взять бутылку. А Сергей Серафимович словно забыл о ней.

– Чтобы быть уверенным в том, что ты сможешь завершить образование, – сказал он, – я не хочу ограничиваться лишь денежной помощью, которая может обесцениться скорее, чем мы с тобой этого бы хотели. Однако в любом случае я открыл на твое имя счет в Московском коммерческом банке – завтра я передам тебе все документы. Я вполне доверяю твоему здравому смыслу, но все же хотел бы застраховать тебя от неожиданных эскапад, которые столь возможны в твоём возрасте. Ты сможешь распоряжаться этим счетом лишь в определенных пределах.

Андрей подумал: «Как я не люблю этого холодного равнодушного человека. Как я не люблю его хамелеонью шею, его слишком светлые глаза, его выпяченную нижнюю губу, его манеру громко сосать потухшую трубку, его удивительное умение унижить человека. Сейчас я встану и откажусь от этих отвратительных подачек и уйду...»

– Не следует злиться на меня, – сказал Сергей Серафимович, – все мои действия оправдываются заботой о тебе. Я хочу быть уверенным в том, что у тебя будут все условия для получения образования. Даже если меня не станет. Даже если война обесценит все бумаги. Мне нужно, чтобы ты получил образование.

– Нужно?

– Необходимо, – отрезал Сергей Серафимович.

Всегда, сколько Андрей себя помнил, отчим пытался его образовывать. Но странным образом. Скорее не учил, а испытывал. Каждое очередное испытание занимало от силы месяц. Как-то они излазили весь Карадаг, мокли, мерзли в палатке, дошли яйлой до окрестностей Карасубазара – собирали гербарий горных растений. На следующие каникулы Сергей Серафимович, забыв о ботанике, ползал с ним по скалам от Симеиза до Байдарских ворот в поисках минеральных обнажений, чтобы годом позже встретить его с сачками. Так началось энтомологическое лето, навсегда пропахшее в памяти эфиром и исколотое длинными булавками. Видно, специалиста по жукам в Андрее отчим также не обнаружил...

Андрей не мог бы сказать, что летние испытания внушали ему отвращение. И сам отчим, и все, что он говорил либо делал, были для Андрея притягательны, но, пожалуй, главной причиной постоянных неудач отчима в попытках отыскать и раскрыть дарования пасынка была его собственная внутренняя холодность, всегдашнее сохранение расстояния между всезнающим учителем и обыкновенным учеником.

А ведь Андрею, особенно в первые два года ученичества, так хотелось отличиться, и, конечно, не ради успехов в ботанике. Но отчим ни разу не догадался либо не пожелал догадаться в чем-нибудь уступить: замедлить шаг, не прийти первым. Как-то, после шестого класса, в последней их совместной экспедиции, к счастью недолгой, где они наблюдали и пытались фотографировать жизнь птиц, грызунов и иных обитателей плоскогорий за Чуфуткале, сидя, усталый, под редким дождем у костра, ловко и быстро разоженного отчимом, он понял, на что все это похоже.

Уже год-два, как в журналах появилась новая игра, которую некоторые именовали крестословицей, а отчим, разумеется, английским словом «кроссворд». В ней надо было вписывать слова в пустые квадратики. Очевидно, его походы с отчимом были как бы совместным разгадыванием кроссворда при условии, что ни единого слова Андрею не дали разгадать первому. Неизвестно, догадался о том Сергей Серафимович или нет, но Андрей-то был наверное убежден, что не станет ни геологом, ни ботаником, ни энтомологом, ни орнитологом. Он подал прошение в Московский императорский университет на историю.

Может, потому, что историей отчим не успел с ним заняться...

Отчим налил еще по бокалу шампанского, и Андрей взял свой бокал скорее, чем следовало, и ему показалось, что отчим опять улыбается.

Андрей поставил бокал на столик.

Сергей Серафимович поднялся легко, словно молодой. В его тренированном теле не было ни капли жира.

– Вставай, – сказал он. – Мне нужно тебе что-то показать.

Они прошли внутрь дома, в кабинет Сергея Серафимовича.

Кабинет Андрею всегда нравился. Он принадлежал не Ялте, а петербургскому профессорскому дому. С высокого потолка свисала на бронзовых цепях люстра с белым матовым абажуром, являвшая собой как бы впятеро увеличенную керосиновую лампу, хотя люстра была электрической. Пол кабинета был застелен огромным, от стены до стены, персидским ковром, и посреди него стоял овальный стол, накрытый шоколадного цвета суконной скатертью. Вокруг стола на неизменных местах стояли венские стулья. У дальней стены располагался большой письменный стол с мраморным прибором и часами: часы были ампирическими, с позолоченными сфинксами и малахитовыми колонками. Между столом и голландской печью поместился высокий, красного дерева книжный шкаф, напротив, между двух окон, стояла бочка, в которой росло лимонное дерево, иногда дававшее настоящие плоды, а по обе стороны от него – глубокие черные кожаные кресла. Такой же диван – мягкий и уютный, Андрею приходилось спать

на нем, – стоял справа от печи. И ничто в этом кабинете никогда не менялось, не сдвигалось с места.

В кабинете было две картины. Одна, принадлежавшая кисти Айвазовского, изображала бурю на море. Зеленые, подсвеченные прорвавшимся сквозь облака солнцем волны накатывались на зрителя, неся беспомощную, с порванными парусами шхуну. Вторая – Екатерининских времен – была портретом молодого черноволосого человека в зеленом мундире с красными отворотами и узким эполетом на плече. Резкими чертами лица он был похож на отчима.

– Садись, – сказал Сергей Серафимович, указывая на кресло.

Сам же он подошел к письменному столу, вытащил до отказа верхний ящик, нажал, не таясь, на скрытую кнопку в его задней стенке, отчего эта стенка откинулась, и отчим вынул оттуда связку ключей. Действия отчима Андрея заинтересовали, потому что никогда ранее он не предполагал за Сергеем Серафимовичем склонности к секретам, а обстановка светлого уютного кабинета не вязалась с потайными кнопками и двойными стенками.

Взяв ключи, Сергей Серафимович отошел к стене, на которой висел портрет военного, обернулся к Андрею и сказал:

– Подойди ближе. Я хочу, чтобы ты все запомнил.

Андрей послушно поднялся. Сергей Серафимович взял его за руку и провел его указательным пальцем по раме. В одном месте палец ощутил выпуклость. Сергей Серафимович нажал на эту выпуклость пальцем Андрея. Неожиданно картина сдвинулась с места и с помощью какого-то скрытого механизма откинулась, словно дверца шкафа. За картиной образовался серый стальной сейф.

– Возьми ключи, – сказал Сергей Серафимович. – Сначала маленький. Вставь в верхнюю скважину и поверни три раза против часовой стрелки.

Андрей подчинился. Ключ двигался легко и послушно.

– Обедать пойдете? – спросила Глаша, без стука войдя в кабинет.

– Через десять минут, – сказал отчим.

Андрей отметил, что отчима не смутил приход служанки.

– Теперь поверни ручку сейфа вправо. Два раза.

Дверца сейфа, тяжелая и толстая, беззвучно отворилась.

Внутри лежали бумаги: две или три связанные шнурками кожаные тетради, синий пакет и несколько конвертов.

Сергей Серафимович вынул один из конвертов и показал Андрею. На конверте было написано:

Андрею Берестову

Вскрыть в случае моей смерти или исчезновения.

Это была странная надпись. Она звучала словно из настоящего романа, ее последнее слово могло встретиться у Коллинза или Буссенара. Но Андрей ничего не сказал.

Сергей Серафимович положил конверт на место. Затем вытащил с нижней полки толстый синий, запечатанный сургучом пакет.

– Здесь, – сказал он, – шестьдесят тысяч долларов. Я полагаю, что эта валюта имеет больше шансов пережить любую войну, нежели европейская. Здесь же акции швейцарской часовой фирмы «Лонжин». Наверное, и их не коснутся грядущие трагедии. Хотя кто знает... Что касается писем и бумаг, то ты имеешь право прочесть их, но никому, ни при каких обстоятельствах не должен их показывать. Впрочем, если у меня будет время и возможности, я постараюсь их уничтожить.

Сергей Серафимович поглядел на оторопевшего Андрея и улыбнулся, как всегда холодно, одними губами:

– Их давно надо было уничтожить – всего с собой не возьмешь. Я слишком здесь зажился.

С этими словами он закрыл сейф, взял у Андрея ключи, запер его и вернул портрет на место. Молодой офицер глядел на Андрея строго, даже сурово.

– Ты все запомнил? – спросил отчим.

– Да. – Андрей чувствовал себя неловко.

Он был бы рад уйти. Но нельзя. Чтобы отвлечься от странных поступков отчима, он подмигнул портрету. Портрет, по семейному преданию, изображал прадеда Сергея Серафимовича. «А может, это я сам», – шутил отчим, если кто-нибудь из гостей обращал внимание на сходство офицера и отчима.

– Перейдем ко второму действию семейной мелодрамы, – сказал отчим. Он пересек кабинет и у самого книжного шкафа резким движением откинул угол ковра. Затем присел на корточки.

Паркет под ковром был точно таким же, как и на открытых участках пола. Он был набран квадратами из светлых и темных планок.

– От ножки шкафа, – сказал Сергей Серафимович, ведя указательным пальцем по паркету, – третий квадрат.

Он показал на темный квадрат со стороны примерно в пядь, который ничем не отличался от соседних. Затем раскрыл прикрепленный к цепочке с часами перочинный ножик и, подцепив лезвием, приподнял одну из планок. Под паркетом обнаружилось углубление, дно которого представляло собой металлическую пластину.

– Для этого у тебя есть второй ключ, – сказал Сергей Серафимович. – Открывай.

Андрей присел рядом с отчимом и вставил ключ в отверстие в пластине.

– По часовой стрелке, – сказал Сергей Серафимович. – Два раза.

Раздался щелчок, и крышка легко открылась, обнаружив внутри такой же металлический ящичек, что лежал в сейфе. Он был набит кожаными коробочками. Сергей Серафимович взял верхнюю и раскрыл ее. В коробочке лежала золотая брошь, усеянная изумрудами.

Храня молчание, отчим открыл поочередно еще несколько коробочек, показав Андрею их содержимое – разного рода драгоценности, из которых Андрею запомнился лишь массивный перстень с опаловой камеей.

Затем он молча сложил все обратно, закрыл шкатулку, восстановил паркет и положил на место ковер. На этот раз он поднимался тяжело, ему пришлось опереться на руку Андрея. Отчим поморщился, недовольный собой, и сказал:

– Прости.

Он перевел дух, затем спрятал ключи в ящик стола, закрыл его и окинул взглядом кабинет, чтобы убедиться, что все стоит на своих местах и не напоминает о происшедших там событиях.

– Перейдем на веранду, – сказал отчим. – Здесь душно.

И тут Андрей понял, что в кабинете и впрямь душно, настолько, что у него вспотела спина и по виску стекла струйка пота.

– Обедать! – закричала снизу Глаша, когда они вышли на веранду.

– Три минуты, – откликнулся Сергей Серафимович.

– Вы можете секретничать и за столом!

– За столом не секретничают, – отозвался Сергей Серафимович. В голосе его было облегчение, словно он скинул тяжкую ношу.

Он прошел к столику, разлил остатки шампанского, поднял свой бокал и негромко сказал:

– За удачу.

Андрей выпил с наслаждением и жадностью.

– Глаша знает обо всем, – сказал Сергей Серафимович. – Но ей ничего не нужно.

– Я не претендую! – сказал Андрей. – Мне не нужно чужое имущество. Я не имею на это никакого права.

– Господи, он говорит о правах! – сказал Сергей Серафимович.

– Даю честное благородное слово...

– Оставь, Андрей, – сказал Сергей Серафимович. – Я тебе ничего не дарю, ничего не обещаю. Но, отлично зная тебя и полагая, что ты честный человек, я хочу, чтобы ты понимал, что являешься наследником некоторого состояния, которое ты не промотаешь с гимназистками.

– Сергей Серафимович!

– Дослушай меня! Ты пока ничего не понял. Я утверждаю, на основании моего немалого жизненного опыта, что ближайшие времена для нашей державы будут страшными и трудными. Я должен быть уверенным, что в случае нужды, в случае необходимости, о чем решать тебе, когда меня уже не будет, ты получишь резерв, который поможет тебе выжить.

– Спасибо, – сказал Андрей, борясь с растущим в нем раздражением, причины которого он еще не мог понять, – но я постараюсь сам заработать себе на жизнь.

– Дай Бог, – сухо сказал Сергей Серафимович. – А теперь обедать.

И он первым пошел к двери, словно забыл об Андрее.

Андрей спускался за ним по лестнице, глядя на седой, откинутый назад затылок отчима, и уже понял, чем он так рассержен: столько лет они с тетей жили в бедности, тетя поднимала его, Андрея, в основном на свое скромное жалованье, ибо субсидии от отчима были весьма скудны. Оказывается, тот сидел гобсеком на своих богатствах, вовсе не думая о судьбе пасынка. «Никогда в жизни, – твердил Андрей, – никогда в жизни не трону твоих проклятых побрякушек».

Глаша сидела с ними за столом, на ней был сарафан с открытыми плечами и таким низким вырезом, что Андрею были видны ее груди. И это сейчас тоже раздражало.

Глаша суежилась, все уговаривала Андрея поесть крошки, тот отмалчивался.

– Ты что? – спросила Глаша. – Может, на что обиделся?

– Он обиделся, – сказал Сергей Серафимович, кладя трубку рядом с собой на стол. – Я бы на его месте тоже обиделся.

Андрей посмотрел на него. Сергей Серафимович опять улыбался.

– Не сердись, – сказал отчим. – Ты думаешь сейчас: почему мы с тетей Маней все эти годы жили столь скромно... Не крути головой, я знаю, что говорю. Отвечу тебе: я делал это вполне сознательно. Я знал, что ты не испытываешь нужды в насущном, но главное – не желал, чтобы ты был богаче других. Ты именно таков, как есть, потому что не имел лишнего. Будь ты богат, ты стал бы хуже. Человек должен вырасти вне власти денег.

Андрей не ответил. Ему не хотелось признаться, что мысли его оказались столь просты, что отчим разгадал их сразу, но обида так и не прошла.

– Сегодня я наблюдал за тобой, – продолжал Сергей Серафимович. – И обрадовался, что в тебе не вспыхнула алчность. Обида твоя направлена в прошлое.

Сергей Серафимович отодвинул тарелку с тушеной бараниной и начал набивать трубку.

* * *

– Ты вечером уходишь? – спросил Андрея Сергей Серафимович.

– Да, я договорился встретиться с товарищами.

– Возвращайся не поздно, – сказал отчим. – У меня будут интересные гости. И для тебя интересные.

– Спасибо.

– А сейчас поспи, – сказала Глаша. – Самая жара, чего тебе делать? Я тебе внизу постелила, в детской.

– Сиеста – святой обычай испанцев, – сказал Сергей Серафимович и направился к лестнице, наверх, к себе в кабинет.

Андрей вошел в маленькую комнату, где он всегда останавливался, потому она звалась детской. Андрей присел на кровать, и она так знакомо отозвалась скрипом пружин, словно и не расставалась с ним. Думать ни о чем не хотелось.

На столике рядом с кроватью стояла тарелка с белой черешней и ранними абрикосами. Глаша постаралась.

Андрей скинул ботинки и улегся поверх покрывала. Воздух был неподвижен и тих, только жужжали мухи. «Надо бы раздеться», – подумал Андрей и заснул.

* * *

Андрей проснулся около семи вечера. Солнце ушло из комнаты, прозрачные виноградные листья пологом светились за распахнутым окном, и в него влетал свежий ветер, дергая за занавеску, словно размахивая флагом. Вдали трепетал пронзительный женский голос, по-татарски отчитывая кого-то. Татарский Андрей знал через пень-колоду от соседских мальчишек, с детства. Потом, повзрослев, товарищи детских игр либо исчезли из его мира, либо предпочитали говорить по-русски.

От свежего, пахнущего морем ветра было приятно и лениво.

Сначала Андрей понял, что он в Ялте и это хорошо. Потом в память вторгся голос Сергея Серафимовича, и сразу вспомнилась странная сцена в кабинете, словно из романа тайн и ужасов...

Андрей потянулся и понял вдруг, что ему и дела нет до коробочек под паркетом и писем в сейфе. Этого не было в его жизни вчера, и отлично жилось... А счет в Коммерческом банке? Пускай будет счет в Коммерческом банке. По крайней мере теперь не будет угрызений совести, что ради него отчим вынужден себе в чем-то отказывать. Даже лучше...

Андрей сбросил ноги с постели и обнаружил, что гимназические брюки измялись. Это было плохо – потому что на набережной, куда он собрался, еще совсем светло и там разгуливают франты из Петербурга. Угораздило же его заснуть не раздеваясь...

Но он даже не успел расстроиться, как без стука вошла Глаша. Она несла, держа перед собой, отлично отглаженные, новые черные узкие брюки. Не говоря ни слова, она повесила их на спинку стула. И, сложив руки на высокой груди, склонила голову. Ее зеленые глаза смеялись.

– Хорошо я придумала? – спросила она.

– Ты умница! – воскликнул Андрей, поднимаясь. – Ты ангел – но во плоти.

– Плоти во мне достаточно, – сказала Глаша, уклоняясь от его рук. Но Андрей обнял ее – искренне хотел, чтобы объятия были братскими, но как только его пальцы дотронулись до белых плеч, все в Андрее сжалось от вспыхнувшего желания, и он притянул к себе служанку, перехватил руками, чтобы прижать теснее, и ее смеющееся лицо оказалось совсем рядом, она отклонила голову, чтобы поцелуй не пришелся в губы.

– Полно, – говорила она, смеясь, – ну что ты, Андрю-у-уша...

Андрей искал ее губы, повторяя:

– Надо, надо, надо...

Глаша вздохнула, она умела как-то особенно глубоко и шумно вздыхать, и вдруг повернула к нему лицо, приоткрыла губы и сама начала целовать его, ласкать его губы языком, прижавшись всем телом, отчего у Андрея закружилась голова и рука – сам не понял, как случилось, – отыскивала ее грудь, мягкую и большую.

Глаша ахнула и рванулась.

И вот она уже стоит в двух шагах, подняв руки, поправляя прическу и уже не смеясь. Андрей сделал шаг к ней, она отступила к двери.

- Не надо, – сказала она. – Ну зачем так? Я же брюки принесла.
- Спасибо, – сказал Андрей и понял, что нельзя более дотронуться до нее.
- Я тебе в матери гожусь, – заявила вдруг Глаша, словно прочитала эти слова в книге.
- Вряд ли, – сказал Андрей, и ему стало смешно.

Глаша много читала, но только романы, в «Женском журнале», в «Ниве». Романы о любви. Порой она вечером пересказывала их за столом. Пересказывала она очень смешно, со своими комментариями, романы получались еще глупее и наивнее, чем в самом деле.

- Нет, правда, – сказала Глаша неуверенно. – Мне уже тридцать три будет.
- Еще скажешь, что в люльке меня качала.
- Качала, – сказала Глаша. – Это правда. Ей-богу, качала.

Тут Андрей совсем развеселился, а Глаша почему-то обиделась и сказала:

– Ты примерь, может, не подойдут, я тебе еще вчера купила по старым, которые ты в том году здесь оставил. Но с запасом.

Она закрыла за собой дверь.

Андрей сразу примерил брюки – они были в самый раз, даже чуть узковаты. И материал был дорогой. Любопытно, Сергей Серафимович дал ей денег или она сама?

Дом Сергея Серафимовича был комфортабельным. Второго такого в Ялте не найдешь. Даже у высокой знати. К каждой спальне (их было четыре: на первом этаже жила Глаша и пустовали две – детская и гостевая, на втором – обитал лишь Сергей Серафимович) была приспособлена туалетная комната, где были умывальник, душ и фаянсовый унитаз. Андрей привел себя в порядок, помылся, достал свежую сорочку и через три минуты, поглядев в большое зеркало, убедился, что готов к боям и походам, Андрей де Берестов – гроза молодых барышень!

Сергей Серафимович был в саду. Он срезал розы – розарий у него был великолепный; как утверждала Глаша, именно увлечение розами послужило причиной его недолговременной дружбы с покойным Чеховым. Если ждали гостей, отчим готовил букет.

Это занятие столь увлекло Сергея Серафимовича, что он не заметил, как элегантно одет его пасынок. Он лишь рассеянно помахал ему. Но Глаша, которая уже успела убежать на двор, к своим любимым курам, взмахнула руками, изображая восторг и преклонение, чем рассмешила Андрея.

Андрей быстро шел вниз, по крутой улице. Море то показывалось спереди между деревьями или домов, то скрывалось; с каждым шагом становилось теплее и влажнее. Уже внизу Андрей замедлил шаги, стало почти жарко. Он остановился возле ларька, в котором мрачный грек торговал сельтерской. Перед ним стояли две толстые дамы, от которых сильно пахло цветочными духами.

И именно в тот момент, когда дамы отошли со стаканами, продолжая громко осуждать какого-то Алексея Львовича, который ведет себя совершенно неприлично, а грек протянул руку к высокому стеклянному сифону, готовый обслужить Андрея, того посетила грустная мысль – его портмоне осталось на столике в детской, а мелочь – в кармане гимназических брюк. И он оказался на набережной совершенно нищим.

- Спасибо, я передумал, – сказал Андрей греку.

Можно было поспешить наверх, домой, за деньгами – но это четверть часа в гору быстрым шагом, а в восемь у гостиницы «Мариано» его ждет Коля. Но остаться без копейки денег...

– Эх, черт! – выругался Андрей и махнул рукой, толкнув девушку, стоявшую за его спиной. Да так неудачно, что у нее слетела белая шляпка.

Человек редко замечает то мгновение, с которого жизнь его изменяет ход и приобретает новое направление. У Андрея случилось иначе. Он точно знал, что переворот в его жизни произошел в тот момент, когда он сказал: «Эх, черт!» – и сбил шляпку с Лиды.

В тот момент он, разумеется, не подозревал, что ту девушку зовут Лидой. Он лишь увидел, как шляпка неровно планирует, словно аэроплан, у которого выключился мотор, намере-

ваясь угодить в лужу, натекашую у ларька с сельтерской. И, сообразив, что, если шляпка не будет поймана, вина его усугубится, Андрей коршуном кинулся вслед за шляпкой, поскользнулся и чуть не сел в лужу, правда, шляпку успел подхватить, хотя помял ее в кулаке.

Еще мало что соображая, Андрей выпрямился и услышал звонкий девичий голос:

– Может быть, вы мне ее вернете?

Андрей обернулся к голосу, все еще думая о невезении, которое преследует его сегодня, и увидел девушку, которая протягивала к нему руку.

Девушка точно сошла с рождественской открытки, ибо была неправдоподобно и ангельски хороша, хотя следует признать, что девицы с рождественских открыток, а также розочки и вазончики оставляли Андрея равнодушным, ибо он был воспитан в правилах хорошего вкуса. Если человек читает футуристов и своим богом в искусстве почитает Гогена, он не может опускаться до мещанских красот.

Вторым ощущением, исходившим от девушки, было ощущение безмерной, неправдоподобной чистоты. Кожа, покрытая легким золотистым загаром, была без единой точки, прыщика или морщинки; она столь совершенно облекала лицо, шею и руки, словно ее сотворила не сама природа, которая всегда допускает неточности и неровности для жизненности и правдоподобия, а мириады фей и Дюймовочек, что выглаживали, вылизывали щеки и наносили на них легкий румянец, так, чтобы не нарушить общей гармонии и ничуть не противоречить цвету нежно-зефирных губ, очерченных с помощью совершенных чертежных инструментов, и подчеркнуть высокогорную белизну белков, в которых сверкали ледниковые голубые озера. Это потом Андрей сообразит, что нос Лиды вовсе не точен, как бы следовало, а мягок к кончику, лоб чуть шире, чем положено по открыточным канонам, а волосы, столь нежно и естественно выющиеся и локонами спадающие на плечи, в самом деле требуют завивки, иначе распрямляются и тогда красота несколько теряет рождественский стиль. Иных дефектов в Лиде Андрей не обнаружил ни в тот момент, ни в последующие годы.

На девушке было длинное голубое платье, не доходившее до земли на вершок, отчего были видны тонкие щиколотки в белых чулках и башмачки на небольших каблуках. На груди и плечах платья проходили белые полосы, и, не будучи матроской, платье все же создавало ощущение чего-то морского.

Девушка приняла из руки Андрея шляпку и стала ее распрямлять. Шляпка была соломенной с синим бантом, и рука Андрея нанесла ей некоторый ущерб, что огорчило девушку. Она не глядела на Андрея, а водила рукой внутри шляпки, расправляя соломку.

Андрей же, не в силах оторвать от девушки взгляда, стоял столбом, не представляя, что же делать дальше. И только женский голос, произнесший повелительно:

– Простите, но ваши брюки испорчены, – заставил его заметить, что девушка не одна, а с подругой – яркой кареглазой брюнеткой с высокой, собранной в пук прической.

Более ничего заметить во второй девушке Андрей не успел, потому что, повинувшись ее голосу, обратил свой взор к брюкам. Сбоку шла полоса грязи, особенно видная на черной ткани.

– Купите стакан сельтерской, – приказала кареглазая девица, – и смойте грязь.

Андрей почувствовал вспышку ненависти к кареглазой девице, потому что у него не было двух копеек на стакан сельтерской, а сознаться в том было невозможно.

Рождественская девушка на него не смотрела, а все крутила в руках шляпку, локоны закрыли ее лицо, и видно было лишь покрасневшее маленькое ухо. Оттого наваждение покинуло Андрея, и он смог соображать. И понял, что единственный для него выход – вернуться домой, к доброй Глаше.

– Ничего, – сказал он. – Я тут близко живу.

И быстро зашагал прочь, произвольно похлопывая и возя ладонью по брючине, чтобы снять с нее грязь. Ему показалось, что сзади засмеялись, и он прибавил шагу.

И в этот момент его ладонь ощутила некую неровность в боковом кармане. У Андрея мелькнула мысль – не положила ли Глаша в карман носовой платок. Глаша могла предусмотреть нужду в платке.

Он угадал. Это было если не спасением, то каким-то выходом из положения. Андрей остановился и стал затирать грязь платком и тут же задумался: не проявила ли Глафира иной сообразительности... Он провел рукой по другому карману. Пусто. По заднему карману. Тоже пусто. Нет, не догадалась... «Постой, – сказал он себе, – есть еще кармашек для часов».

Андрей запустил в него пальцы и извлек на свет – ах, Глаша, умный друг! – завернутые в синюю пятерку три серебряных рубля.

* * *

Когда Андрей вернулся к продавцу сельтерской, возле него никого не было. Андрей кинул на жестяной прилавок серебряный рубль и сказал:

– Два стакана.

Грек посмотрел на рубль с недоверием – видно, у него уже сложилось собственное невысокое мнение об этом молодом человеке – и, налив стакан, начал медленно отсчитывать сдачу медяками. Андрей выпил стакан залпом, затем вытащил платок и второй стакан пустил на спасение брюк, что ему вполне удалось. Мокрое пятно на черном было вовсе незаметно.

Скоро восемь – Коля ждет у «Мариано». Андрей вышел на набережную и быстро пошел по ней, крутя головой, потому что надеялся, что две девушки ушли не так далеко и можно будет их отыскать.

Но тут пришлось остановиться, потому что по набережной навстречу ехала знакомая пролетка. На козлах в образе шоффера сидел Ахмет, а на сиденье – прелестная и явно знатная девица с молодым человеком с незначительным, но аристократическим лицом. Знатность девицы определялась не только скромностью ее туалета, но и тем, что единственным украшением на ней была чрезвычайно длинная, до пояса, нить жемчужных бус.

– Эй! – окликнул Андрея Ахмет. – Коля там тебя заждался!

Почему-то молодому аристократу не понравилось, что Ахмет разговаривает с прохожим, и он постучал по облучку тросточкой, которую держал на коленях.

– Простите, Ваше Высочество! – сказал Ахмет громче, чем требовалось.

Он легонько стегнул Тигра, и пролетка покатила дальше.

Когда Андрей наконец дошел до «Мариано», Коля уже ждал его там. Вместе со своими знакомыми.

К крайнему удивлению Андрея, ими оказались рождественская девушка, шляпку которой он чуть не погубил, и ее кареглазая приятельница.

При виде Андрея, нерешительно остановившегося в двух шагах, кареглазая девушка вдруг засмеялась, а Коля, не знавший причины смеха, сказал церемонно:

– Разрешите представить: мой друг – Андрей Берестов.

– Мы знакомы, – сказала кареглазая девушка. – Ваш друг совершил на нас нападение.

– Маргарита, не надо, – сказала рождественская девушка. – Андрей не виноват.

Она протянула Андрею руку. Рука была узкой, сухой, с длинными прохладными пальцами.

– Лидия Иваницкая.

– Что за тайны! – воскликнул Коля. – Неужели наш Андрей вел себя недостойно?

– Я у сельтерского киоска... – сказал Андрей. – Толкнул нечаянно.

– Судьба направляет наши действия, – сказал Коля с явным облегчением. Он любил во всем ясность. Киоск и нечаянное столкновение были объяснимы и понятны.

– Маргарита, – протянула Андрею руку вторая девушка.

– Раз уж мы познакомились, – сказал Коля, – предлагаю для начала мороженое. У господина Лагидзе. Там мы сможем неспешно обсудить, что будем делать дальше.

«Воды Лагидзе» – большой открытый павильон – располагались чуть отступив от набережной, за старым, могучим платаном. Они сели за столик у белых перил, совсем рядом журчала речка, за ней были видны окна гостиницы «Ореанда», а напротив – ряд татарских домиков, выстроившийся вдоль пляжа.

– Что будем заказывать? – спросил Коля.

– Мне – грушевую, – сказала Маргарита.

– А мне – мандариновую.

– Мороженое – крем-брюле?

– Ненавижу крем-брюле, – сказала Маргарита. – Попросите шоколадное.

Подошел официант. Коля сделал заказ, Андрей видел профиль Лиды, очерченный закатным солнцем. Лучики пробивались сквозь русые волосы и зажигали их золотом. «Господи, – молил Бога Андрей, понимая всю тщету своей молитвы, – сделай так, чтобы Коля был влюблен в Маргариту, я отдам за это все сокровища Сергея Серафимовича». Это мысленное обещание, словно миллионная ставка в Монте-Карло, сделанная босяком, не имеющим ни су в кармане, лишь свидетельствовало о том, что Андрей смирился с проигрышем. И это было ужасно: именно сегодня, когда он встретил девушку, которая отвечала всем требованиям романтического идеала, она окажется объектом увлечения друга, то есть табу...

– Простите, – Андрей дотронулся до рукава официанта. – И еще бутылку шампанского.

Это было непорядочно, потому что Андрей отлично знал, что у Коли почти нет денег. А ведь приглашал сюда он, значит, и расплачиваться следовало ему.

– У нас только «Клико», – сказал официант, как бы давая понять, что подобные развлечения молодым людям не по карману.

– Не надо шампанского, – сказала Лида. – Зачем это?

Андрей отвел глаза, чтобы не встретить настойчивого взгляда Коли. Ему злорадно захотелось подразнить друга. Но тут же он устыдился, незаметно подмигнул Беккеру, как бы давая понять: все в порядке. Коля понял, но все равно был недоволен и не придумал ничего лучше, как взрослым голосом завсегда спрашивать:

– Сколько же вы за бутылку берете?

«Сейчас он скажет – десять рублей, – подумал Андрей, – и отказываться придется мне».

– Шесть рублей, – сказал официант. – Как везде.

– Несите, – сказал Андрей, – несите, голубчик.

– А я не испугалась, – сказала Маргарита. – Вы не знаете, а по набережной гуляет папин приятель. Когда бы вы разорились, я бы побежала к нему и одолжила.

– Не люблю хвастунов, – сказала Лида.

– Мой папа – купец второй гильдии, – сказал Андрей. – Мы торгуем скобяным товаром.

– А что такое скобяной товар? – спросила Маргарита. Она закусила полную нижнюю губу, стараясь не рассмеяться.

– По-моему, это сковородки, – сказал Андрей таким тоном, чтобы никто не подумал, что он действительно может иметь отношение к скобяному товару.

Принесли мороженое и шампанское. Шампанское было теплым и совсем не таким вкусным, как днем у отчима. Андрей старался не глазеть на Лиду, но не мог не любоваться тем, как она подносит бокал к губам, как держит ложечку с мороженым, даже как откидывает мешающую ей прядь волос.

Маргарита, как выяснилось в разговоре, гостила здесь у Лидочки. Они были знакомы домами, отец Лиды служил в управлении Ялтинского порта, а раньше, много лет назад, жил в Одессе. Там они и подружились с отцом Маргариты, одесским судовладельцем Потаповым.

Коля оказывал Лиде особые подчеркнутые знаки внимания, впрочем, он был любезен и с Маргаритой.

Андрей подумал, что сейчас придет официант и надо сделать так, чтобы не подвести друга. Он поднялся с места, попросил прощения у дам и сказал Коле:

– Мне нужно сказать тебе два слова.

Они отошли к выходу из кафе. Андрей заранее сложил пятерку так, чтобы серебряный рубль лежал внутри. Он протянул деньги Коле. Тот сразу все понял и сказал:

– Не понимаю твоего гусарства. Ты что, получил наследство?

– Прости, нечаянно так вышло.

– Ты мог поставить меня в неловкое положение.

В Колином голосе появились знакомые нравоучительные интонации старшего брата.

– Ты лучше скажи, – спросил Андрей, – которая Татьяна?

– У тебя могли быть сомнения? – Коля достал портмоне, раскрыл его и вложил пятерку в кармашек, где уже лежали три рубля, а монету положил в другое отделение. Только тогда добавил: – Надеюсь, что ты будешь вести себя в рамках хорошего тона.

– Сергей Серафимович просил меня пораньше вернуться домой, – сказал Андрей. – Так что я вас скоро покину.

– И не мечтай, – сказал Коля. – Если ты мне друг, тебе придется остаться. Твое присутствие входит в мои планы.

– Мне честное слово надо...

– Ну полно, Андрюша.

И Коля быстро пошел к столу, так что Андрею ничего не оставалось, как говорить ему в спину. В таком случае лучше промолчать.

Андрей понял Колю однозначно: как и следовало ожидать, его избранница – Лидочка, хоть прямо в том Коля не признался. Происходило это убеждение оттого, что самому Андрею полногрудая, громкая, пышноволосая Маргарита не понравилась и не верилось, что она может понравиться Коле.

Когда они снова вышли на набережную, Коля предложил покататься на парходике «Анапа», который ждал пассажиров, чтобы сделать круг по Ялтинской бухте. Но девушки воспротивились – уже было темно, десятый час, и им скоро возвращаться домой.

Они пошли по набережной дальше, за «Ореанду», в парк. В ресторане «Голубой залив» играл духовой оркестр, с моря донесся гудок парохода, аллеи были освещены электрическими фонарями. Идти вчетвером в ряд по аллее было трудно. Коля взял Лиду под руку и повел вперед. Маргарита спросила:

– Вы, наверное, пишете стихи?

– Почему вы так думаете? – сказал Андрей.

– Вам никто не говорил, что у вас романтическая внешность?

Андрей смотрел на тонкую фигурку Лидии. Порой она поворачивала голову к Коле, и тот склонялся к ней. Андрею очень хотелось, чтобы Лида отняла у Коли руку.

– Хотите, я почитаю вам Блока? – спросила Маргарита.

– Не знаю, – сказал Андрей.

Они вышли к обрыву над морем. Маргарита схватила Андрея за руку горячими крепкими пальцами и повлекла к Лиде с Колей.

– Послушайте, послушайте! – воскликнула она. – Этот момент требует поэзии!

Она начала быстро, захлебываясь, читать Блока и не отпускала пальцев Андрея, а ему неловко было вырывать руку. Коля скучал, он смотрел на море. Андрей увидел, как он поднял руку и положил ее на плечо Лиде.

«Убери руку, – приказывал мысленно Андрей. – Сейчас же! Лида, убери его руку. Это же неприлично!»

– Я хотела бы летать, – сказала Маргарита. – Давайте посидим здесь, полюбуемся морем. Она первой села на лавочку и потянула за собой Андрея.

Андрей обернулся. Коля увел Лидию прочь. И ведь не кинешься следом. Ничего не делаешь.

Маргарита закрыла глаза.

– Какая божественная тишина! – прошептала она.

Совсем рядом взвизгнула кошка, и кто-то выругался в кустах.

Маргарита смотрела перед собой. Нос у нее был крупный, костистый, щеки выдавались остро. Густые ресницы затеняли глаза.

– Они ушли, – сказала она. – Этого следовало ожидать. Вам грустно, потому что вам понравилась моя Лидочка. Моя фарфоровая девочка.

– Нет, напротив, – сказал Андрей.

– Не надо лжи, – сказала Маргарита. – Я чувствую мужчин. Я видела, как вы на нее смотрели. Потерпите и получите свое.

– Ничего подобного!

Человек более всего возражает, когда слышит о себе правду.

– Я вас скоро отпущу, но выполните одну мою просьбу.

– Пожалуйста.

– Посидите здесь со мной хотя бы десять минут и постарайтесь не думать о том, что ваш друг сейчас целуется в темной аллее с простушкой Лидочкой.

Маргарита связала платочек в узел и теперь дергала за концы, затягивая его все туже.

Андрей старался побороть в себе желание кинуться туда, в эти самые темные аллеи, чтобы разлучить Колю и Лиду. Простушка? Какое гадкое слово!

– Это все – кафешантан! – продолжала между тем Маргарита. – Я знаю этому цену!

Платок разорвался – отлетела кружевная кайма.

– Я вас не понимаю!

– В отличие от вас я знаю жизнь, – отрезала Маргарита. – У меня немало недостатков, но глупость к ним не относится. И я не терплю пошлости!

– Сколько вам лет? – не выдержав, спросил Андрей.

– Не важно. Может быть, мы с вами ровесники, но женщина всегда старше мужчины.

Маргарита смотрела в море. Стало совсем темно, и огоньки на море – верно, на рыбацких лодках, а может, отражения звезд – были редки и неярки. Звук ресторанного оркестра долетал лишь ровным буханьем барабана.

– Лидочка – чудесное существо, – сказала вдруг Маргарита. – Добрая и в то же время эгоистическая, бескорыстная и избалованная, легкомысленная и расчетливая – она кажется себе такой, какой ее представляют влюбленные мужчины. Ей суждено страдать.

– Вы рассуждаете, словно ревнуете, – сказал Андрей.

– Скорее жалею. Ваш друг – настоящий мужчина. Завоеватель. Гунн. Если моя крепость ему не сдалась, он кинулся к другой, слабенькой.

– Коля – обыкновенный человек... Нет, я не хотел сказать – обыкновенный. Он очень способный. Он окончил гимназию с медалью.

– Еще бы, – сказала Маргарита не без злорадства, – с такими родственниками можно было бы учиться и в Александровском лицее.

– С какими родственниками?

– Вы же его друг – вам лучше знать, что его дядя барон фон Беккер один из самых богатых промышленников в Риге.

– Дядя? В Риге?

Андрей осекся. Еще мгновение, и он предаст друга. Конечно же, Коля, который так стесняется своей бедности, придумал для них красивую историю о богатом дяде и даже эту при-

ставку – фон! Нет, он не будет раскрывать глаза Маргарите, но Ахмету он завтра же расскажет... фон Беккер! Надо же!

– Он лгал? – спросила проницательная Маргарита.

– Может быть, и есть дядя, – сказал Андрей, стараясь говорить естественно. – Я не знаю.

– Вы покрываете его.

– А какая разница? – сказал Андрей. – Неужели вы судите о человеке по его родственникам?

– Как вы наивны! – ответила Маргарита. – Я презираю титулы! Я жду восстания, которое сметет эту жалкую мишуру!

– Тогда я вам скажу, что у меня нет никакого богатого дяди в Риге. И вообще у меня никого нет, кроме моей тети, которая трудится на ниве филантропии, за что получает небольшое жалованье. И мне не на кого надеяться...

«Зачем я это говорю? – подумал Андрей. – Ведь это тоже ложь!» Сегодня днем он вместе с отчимом ползал по его кабинету и рассматривал коробочки с драгоценностями.

– Жаль, что вы бедный, – прервала филиппику Андрея Маргарита. – Иначе бы мы с вами каждый вечер пили шампанское на набережной. – Она аффективно рассмеялась.

– Пойдемте, – сказал Андрей. – Я провожу вас. Уже поздно, и ваши родные будут беспокоиться.

– Простите, если я вас обидела. Это все мой вредный язык. Некрасивой девушке приходится быть умной.

Они шли на расстоянии шага друг от друга, Андрей стал насвистывать. Тетя всегда говорила, что свист – признак дурного воспитания. И Андрею хотелось, чтобы Маргарита убедилась в том, что он плохо воспитан. Как все пошло получилось! Весь мир построен на лжи и лицемерии, и за рождественской открыткой скрывается мушка, которая норовит попасть в сети богатенького паука...

Извозчики стояли у входа в «Ореанду». С моря потянуло подвальной сыростью, поднялся ветер и гнал перед собой волны – они бились в набережную, с каждой минутой все сильнее. Звезды заволокло мглой.

Маргарита остановилась, повернулась к Андрею. Глаза ее в полумраке были огромны и бездонны.

– Спасибо за чудесный вечер, – церемонно сказала она. Протянула ему руку, высоко, для поцелуя.

Андрей поцеловал руку.

– Я вас довезу, – сказал он.

– Прощайте, у меня есть полтинник, – сказала Маргарита.

Она легко вскочила в пролетку. Извозчик крикнул лошади по-татарски, и та легко взяла с места.

Андрей смотрел вслед Маргарите. Она не обернулась.

Настроение было испорчено окончательно. Андрей пошел было к морю, чтобы посмотреть на прибой, но тут увидел под светом далекого фонаря, что из парка идут под руку Беккер и Лида. Они были еще далеко и не могли его увидеть, тем более что были погружены в разговор. Но Андрея охватил страх, что они его заметят. Он подбежал к свободному извозчику, вскочил в пролетку и сказал адрес.

* * *

Последний рубль Андрей разменял, расплатившись с извозчиком. Извозчик ворчал, увидев, что ему придется пятиться под горку: площадка перед домом Сергея Серафимовича была занята. Там стояли три экипажа и длинное черное авто, которое Андрей видел на набережной.

«Ого, какие гости у дяди! – подумал он. – Жаль, что Коля Беккер не знал, а то бы бросил свою рождественскую Лидочку и примчался сюда». Может быть, Андрей был в тот момент несправедлив к другу, но обида и разочарование все еще владели им.

Не только дом был освещен – вдоль аллеи, что вела от ворот, горели гирляндой лампочки. Веранда второго этажа была пуста – значит, гости внизу, где в склоне вырублена широкая терраса, с которой открывается вид на бухту.

– Андрей, – послышалось из темноты. – Андрюша, друг мой!

– Ахмет? Ты что здесь делаешь?

Ахмет стоял возле забора, глядя внутрь сквозь живую изгородь.

В темноте голубым сверкнули его зубы.

– Я подглядываю, ваше превосходительство, – сказал он. – И заслуживаю самой суровой кары.

– В самом деле, скажи!

– Ты что, забыл, кто я? Я извозчик, татарский извозчик, которого, как ты знаешь, наняли высокие господа, потому что их собственный красивый, выписанный из Парижа экипаж приказал долго жить по причине неаккуратности привезенного из Петербурга пьяницы-кучера, каковой лежит в больнице со сломанной ногой.

Ахмет отрапортовал скороговоркой. Он, как всегда, кого-то изображал, но на этот раз Андрей не догадался кого.

– Черт побери, я же забыл, – сказал Андрей. – Они еще долго будут там?

– Куда им спешить?

– Тогда пошли ко мне.

– Ничего, мы здесь постоим, а вдруг господа рассердятся.

– Иногда я готов тебя убить, Керимов.

– Хорошо, пойдем, напоишь меня чаем на кухне.

– Скажи извозчикам, что ты у меня. Если нужно, тебя позовут.

Они вошли в калитку. Электрические лампочки придавали саду карнавальный вид. Со стороны террасы доносились голоса.

В прихожей горел электрический свет. Андрей отворил дверь к себе в комнату и тут же услышал голос Глаши:

– Андрюша, ты куда? Ты к гостям иди.

– Я друга встретил, – сказал Андрей. – Нам с ним поговорить надо.

Глаша держала в руках поднос с маленькими тарталетками.

– Если ты голодный, – сказал Андрей Ахмету, – угощайся.

Он взял с подноса несколько тарталеток, нарушив этим всю композицию. Ахмет не осмелился последовать его примеру.

– Кушайте, – сказала Глаша, – не стесняйтесь. Вы же, наверное, весь день за рулем?

Глаша приняла Ахмета за шоффэра.

– Ахмет, мой приятель по гимназии, – сказал Андрей строго, как бы извлекая этими словами друга из пучины, в которой пребывает прислуга.

Глаша тем временем поставила поднос на столик и привела в порядок горку тарталеток. Андрей протянул тарталетку Ахмету.

– Мы не одеты, – сказал он. – А там знатные гости.

– Что ты, там все попросту! Ты же знаешь, Сергей Серафимович не выносит церемоний.

Но Андрей отрицательно покачал головой, буквально втолкнул Ахмета в свою комнату и показал ему на плетеное кресло.

– Знаешь, что я придумал? Пойду на кухню, согрею чаю, а ты снимай сапоги и ложись поспи.

– Это дело, – согласился Ахмет. – Как хорошо встретить скромного друга в высших сферах российского общества.

Вошел Сергей Серафимович.

– Глафира сказала, что ты пришел с другом, – сказал он.

– Да, Сергей Серафимович, – сказал Андрей. – Мой друг, Ахмет Керимов, мы с ним вместе учились в гимназии.

– Очень приятно. – Сергей Серафимович протянул Ахмету руку, и тому пришлось переложить в левую только что снятый сапог. – Разумеется, если вы устали, я не могу заставлять вас сидеть с гостями.

– Не знаю. – Андрей обернулся к Ахмету.

Тот сказал:

– Я одет не как положено...

– Я наблюдателен, – сказал Сергей Серафимович. – Но советую, для вашего же удобства, – снимите эти кожаные латы, и ваши работодатели не смогут раскрыть ваше инкогнито.

Андрей ничего не сказал, потому что перехватил загоревшийся взгляд Ахмета и увидел, как рука его друга уже тянется к пуговицам кожаного пиджака.

– Мы скоро придем, – сказал Андрей.

* * *

На террасе, очерченной каменным парапетом, над которым виднелись острые вершинки растущих на крутом склоне кипарисов, Глаша обносила гостей, сидевших в соломенных креслах либо стоявших у парапета, подносом с тарталетками. Терраса была освещена такими же фонариками, как аллея в саду. И ощущение карнавала снова овладело Андреем.

– Прошу любить и жаловать, – сказал Сергей Серафимович, увидев Андрея и Ахмета. – Мой пасынок и его гимназический друг.

Гости встретили пришедших негромкими разрозненными возгласами приветствия, впрочем, особого внимания молодые люди не удостоились. Высокий, довольно молодой мужчина с мелкими незначительными чертами красивого лица продолжил свою речь.

– Порядок может быть дурным или хорошим, – говорил он, грассируя. – Но это в любом случае порядок. Александр Михайлович, – кивок в сторону высокого мужчины в белом морском кителе, – говорил здесь о несправедливости нашего строя. Да, я согласен – он несправедлив. Он во многом порочен и требует исправления. Но исправления, господа, а не гибели. Потому что в нашем обществе нет иной силы, кроме самодержавия, которая смогла бы удерживать наш народ от бунта. Помните, как сказал Пушкин: «Избави нас, Боже, от русского бунта – кровавого и страшного».

– Вы неточно цитируете, князь, – сказал Александр Михайлович.

– Важна суть. Общество наше, лишь недавно освобожденное от рабства и не избывшее его в душах, сразу же бросится искать нового царя, но царя крестьянского, страшнее Пугачева. Он же начнет косить направо и налево, пока не истребит не только слои господствующие, но и миллионы невинных.

– Мне кажется, что среди думских деятелей, – сказала пожилая дама с очень знакомым, виденным где-то ранее лицом, – есть немало интеллигентных людей, подающих большие надежды. В большинстве своем они хорошего происхождения.

– Только не говорите мне о Пуришкевиче, – улыбнулся Александр Михайлович.

– Зачем же, – обиделась пожилая дама. – Я имею в виду господ Набокова, Некрасова, Львова. Интеллигентных людей.

Она говорила с немецким акцентом. Сидевшая рядом с ней другая дама, того же преклонного возраста и той же немецкой отмытости, встречала каждую фразу соседки энергичным утвердительным кивком.

– В них самая страшная угроза, – сказал высокий господин с военной выправкой, который сидел в кресле прямо, не касаясь спинки. – Им кажется, что они ведут народ к свободе, а в самом деле они разжигают в нем самые страшные инстинкты. И если бы мне была дана возможность карать и миловать по справедливости, в первую очередь я бы покарал ваших интеллигентных протеже. Львов твердит о передаче земли труженикам. А на самом деле они тут же начнут жечь имения и убивать помещичьих детей.

Андрей узнал говорившего по фотографии в «Ниве»: это был Великий князь Николай Николаевич.

– Глаша, – сказал Сергей Серафимович, – подай гостям чаю.

– Да, уже поздно, – сказала пожилая дама. – Пора собираться домой.

– Погодите, тетя, – сказала девушка в розовом платье, – вечер такой чудесный, а у Сергея Серафимовича лучший вид в Ялте.

Девушка стояла у парапета, и Андрей тоже подошел к парапету, словно подчиняясь ее призыву.

– Вы студент? – спросила девушка.

– Я поступаю в Московский университет, – сказал Андрей.

– У Сергея Серафимовича так приятно. Совсем без церемоний. Здесь можно встретить очень интересных людей, правда?

– Я живу в Симферополе, – сказал Андрей. – Я редко здесь бываю.

Девушка взглянула на Ахмета, который подошел к ним, потому что старался держаться ближе к Андрею.

– Ваш друг магометанин? – спросила девушка.

– Я татарин, – сказал Ахмет.

– Я совсем не думала, что татары учатся в гимназиях. Не обижайтесь, я не хотела вас обидеть.

– Я не обижаюсь, – сказал Ахмет.

– И вы будете поступать в университет?

– Отец намерен послать меня в Сорбонну, – сказал Ахмет, и в тоне его прозвучал вызов, который уловила девушка.

– Татьяна! – окликнула ее пожилая дама. Девушка быстро отошла от парапета.

Глаша принесла самовар, поставила его на стол. Самовар смотрелся не на месте среди кипарисов и виноградных листьев.

– А ты правильно ответил, – сказал Андрей.

– Я не знал, сказать ей, что я кучер или о Сорбонне.

– А пожилую даму я где-то видел.

– И не узнал? – Ахмет сверкнул зубами. – Она же два года назад к нам в гимназию приезжала. Помнишь, нас в актовом зале выстроили, а какой-то первоклашка начал проситься пипи?

– Вдовствующая императрица?

– Мария Федоровна. А ты не знал, кто здесь в гостях?

– Я мало знаю об отчине.

– Догадайся, кого я вожу.

– Тоже из Романовых?

– Мои хозяева – Великая княгиня Ирина Александровна и ее муж – князь Юсупов. Вон тот, который о смуте и порядке говорил. Твой отчим тихий-тихий, но что-то в нем есть.

– Что-то есть, – повторил Андрей.

Звезды, такие близкие и яркие, заволокло быстрыми облаками. С Ай-Петри скатился ветер и принялся раскачивать гирлянды фонариков. Цикады сразу примолкли.

Сергей Серафимович наклонился к князю Юсупову.

– Вы хотели поговорить с медиумом? – сказал он негромко.

– Разумеется, – ответил князь, поднимаясь с кресла. Он был скор, аккуратен в движениях, спина слишком прямая, хотелось дать ему в руку хлыст. – Я скоро вернусь, – сказал он своей прекрасной молодой жене, которая лениво, как пантера, подняла к нему античное лицо.

Сергей Серафимович отошел дальше, к вдовствующей императрице. Та кивнула в ответ на его слова и обернулась к своей спутнице:

– Ольга Петровна, вы подождете меня здесь?

Старая императрица улыбнулась добродушно, но непреклонно, и ее спутница вынуждена была подчиниться.

Большой князь Николай Николаевич сам поднялся, не дожидаясь, пока подойдет к нему хозяин дома. За ним – Александр Михайлович.

– Граф Теодор, – произнес тогда отчим.

– Я готов, – откликнулся голос из темноты. Незамеченный прежде человек встал, раздвигая виноградные листья, скрывавшие его лицо. Голос его был глубокий и низкий. Лицо как бы выплыло из темноты и оказалось длинным и грустным, глубокие морщины еще более вытягивали его. Глаза прятались в таких глубоких глазницах, что казались черными ямами. Спутанные вороные кудри стекали к плечам. Если бы Андрею предложили нарисовать демона, он бы изобразил нечто подобное.

Ветер, как бы испугавшись графа Теодора, взвыл и принялся дергать кусты за тонкие ветви.

Все прислушивались, молчали.

– А чай? – разрушила паузу Глаша.

Она стояла посреди террасы с подносом, уставленным чашками.

– Чай предложите молодежи, – сказал Николай Николаевич. – А мы уж дома напьемся.

– Мы скоро вернемся, – сказал Сергей Серафимович. Он взял под локоть черного человека и повел к дому.

Чаю Андрею не хотелось, и, убедившись, что Ахмет вновь занялся разговором с юной княжной, Андрей прошел в дом, намереваясь почитать у себя в комнате, пока все это не кончится, но, когда проходил мимо лестницы наверх, услышал, что сверху, из кабинета, доносится фортепьянная музыка. Играли Вагнера.

Странно. Зачем они поднялись туда? Чем занимаются?

Разумеется, шпионить дурно. Но Андрей не намеревался этим заниматься – он лишь хотел поглядеть, кто играет на фортепьяно.

Дверь в кабинет была прикрыта неплотно, так что, чуть расширив щель, он смог видеть все, что происходит внутри.

Родственники императора и Сергей Серафимович сидели вокруг стола, положив на скатерть руки. Посреди стола горели необычные свечи – большие, витые, они светились желтым пламенем, но внутри огоньков у кончиков фитилей горели яркие кроваво-красные точки. От этого света лица людей изменились, как под пламенем позднего тревожного заката.

Граф Теодор стоял у стола, и свет свечей, проникая в глубь его глазниц, зажигал там алые точки, словно угольки. Зрелище было зловещим и почти невероятным. Медиум был совершенно неподвижен.

Но Андрея более удивило другое: спиной к нему у пианино сидела Глаша, которая играла столь уверенно и профессионально, столь спокойно и привычно поводила головой, чтобы откинуть с лица пышные, распущенные рыжие волосы, столь царственно прямой была ее спина, что Андрей сразу же усомнился в том, Глаша ли это.

Андрей знал, что Глаша разбирает ноты и иногда (если никто не подглядывает) музицирует. Для себя, наигрывая старинные романсы. Но это было иное...

– Как вам уже известно, – говорил отчим, – господин Теодор обладает даром общения с потусторонними силами, и он любезно согласился помочь тем из нас, кто нуждается в выяснении истины.

По совершенно замкнутой комнате пронесся вдруг порыв воздуха, и пламя свечей метнулось, закружилось, словно кто-то привязал ниточки к верхушкам огоньков и теперь дергал за них.

– Что это? – спросила Мария Федоровна. От волнения в словах прозвучал резкий акцент.

– Я не намерен обращаться к средствам, – сказал медиум, – к которым вы, очевидно, уже привыкли либо слышали о них. Ни погашенного света, ни блюдец, ни таинственных голосов – этого не будет. Простите, если вы ждете от меня представления.

Медиум также говорил с акцентом. Но акцент был мягок и почти неуловим. Без сомнения, господин Теодор был иностранцем.

– Ну и слава Богу, – сказал Николай Николаевич. – Не выношу фокусников.

– Благодарю, Ваше Высочество, – сказал господин Теодор. – Однако обязан предупредить уважаемых гостей, что они должны будут хранить уважительное молчание, ибо от меня потребуется напряжение всех сил моего организма.

– Тишина, – беззвучно сказал Сергей Серафимович. Музыка звучала странно, и Андрей далее не узнавал Вагнера, словно Глаша импровизировала. Ай да Глаша, простая душа...

Господин Теодор закрыл глаза и чуть откинул голову.

Откуда-то сверху, гармонично смешиваясь с музыкой и перекрывая ее, началлиться тяжелый низкий звук, настолько низкий, контрабасный, что его ощущаешь скорее кожей, чем слухом.

Пальцы господина Теодора вцепились в край стола. Лицо его пожелтело, глаза светились оранжевым.

– Кого вы хотите услышать? – сказал отчим. – Скажите, Ваше Величество.

– О нет, – сказала императрица. – Я буду промолчать.

– Тогда подумайте.

Вдруг они слышали шаги. Тяжелые, приглушенные ковром, близкие шаги. Кто-то невидимый, остановившись у стола, тяжело вздохнул.

Мигнула и погасла одна из свечей.

– Я здесь, – произнес глухой голос.

– Кто? – неожиданно громко спросил Юсупов. – Кто здесь?

Губы господина Теодора были сжаты, глаза закрыты. Андрей мог поклясться, что в двух шагах от него дышит невидимый человек.

– Вы хотели видеть меня, маман? – спросил он.

Вдовствующая императрица потянулась в ту сторону, приподнявшись на стуле. Сидевший с ней рядом Николай Николаевич удержал ее, положив руку на плечо.

– Георгий, – прошептала императрица. – Это ты, Георгий?

И тут в центре тяжелой, непроницаемой тьмы задрожал голубой огонек, как свет далекой звезды. Он растворялся во тьме, рисуя на ней контуры человеческого тела. Все молчали, не в силах оторвать взоров от рождения фантома из тьмы.

И вот уже можно увидеть, а может, скорее почувствовать, чем увидеть, молодого человека, нежно красивого, худого, чуть сутулого. Он был столь бестелесен и хрупок, что видно было, как тяжелы его плечам обер-офицерские эполеты.

Андрей увидел, как императрица зажмурилась, словно прогоняя видение, потом резким движением убрала с плеча ладонь Николая Николаевича.

Все ждали, что она скажет. Как ни странно, центром этой сцены было не видение, не дух давно уже умершего в молодости от чахотки наследника престола Георгия, которого Андрей знал по литографиям, а Мария Федоровна, его мать. Даже в столкновении с потусторонними силами решение принимали августейшие особы.

– Как ты... как тебе там, Георгий? – спросила наконец императрица.

– Спасибо, маман, – ответил тот. – Мне одиноко, мне печально. Но я смирился, как смирились и вы.

– Его голос, – сказал Александр Михайлович. Белый адмиральский мундир казался голубым в этой странной темноте.

– Господа, – произнес Сергей Серафимович, – осмелюсь напомнить вам, что присутствие Великого князя в нашем обществе требует громадного напряжения духовных сил графа Теодора. Лишь считанные минуты покойный будет находиться среди нас. Я прошу вас задавать вопросы. Дух Великого князя может отвечать голосом. Вы готовы, Ваше Высочество?

– Я готов, – ответила тень Великого князя.

– Будет ли счастлива наша семья? – спросила императрица.

– Нет, – коротко ответил Георгий.

– Что грозит ей?

– Война, смута, – последовал ответ.

Неожиданно императрица перешла на немецкий язык. Она заговорила быстро, настойчиво. Андрей тут же потерял нить разговора, так как в их передовой гимназии вместо немецкого учили английский, а на немецкого репетитора, как делали в состоятельных семьях, у Марии Павловны денег не было.

Отчим, раскрыв небольшой блокнот, записывал что-то в него, не видя карандаша. Молодой князь Феликс Юсупов барабанил пальцами по скатерти, что недопустимо при спиритическом сеансе, – он, видно, с нетерпением ждал своей очереди.

Мария Федоровна спросила вновь, и Андрей услышал в конце фамилию Распутин с ударением на последнем слого.

– Не мне судить о его роковой роли, маман, – сказал дух Георгия. – Лучше пускай члены семьи ответят, к чему они готовы.

– Мы готовы к действиям, – сказал Феликс Юсупов. – И я не одинок. Этот старец губит династию.

– Аликс молится на него, – сказал Николай Николаевич.

– Ники – слабый мальчик, – сказала Мария Федоровна.

– Мой брат должен осознать себя государем великой державы, а не вторым человеком в собственной семье, – произнес Георгий.

– Я уже обращался к племяннику, – сказал Александр Михайлович. – Однако Его Величество тверд.

– Я говорил с Иллиодором, – сказал Феликс Юсупов. Наступила короткая пауза, и Александр Михайлович воспользовался ею неожиданно.

– Георгий, – сказал он, – я нахожусь в недоумении и растерянности. Гурко отказывается передать «Муромцы» в ведение авиационного ведомства. Но если грядет война, это может обернуться катастрофой.

– Сандрик! – крикнула Мария Федоровна. – Ты совершенно не понимаешь, что происходит.

– Мы глядим в лицо вечности, – заявил Николай Николаевич, Мария Федоровна резко возразила ему по-немецки, и разговор опять стал Андрею непонятен.

В комнате тяжело пахло благовониями, и Андрей догадался, что запах исходит от странных свечей. Видно, не один Андрей ощущал тревожный, тяжелый запах – голоса тех, кто был в кабинете, перепутывались, сплетались, поднимались нервно, до крика.

Люди в кабинете не понимали, что их дурачат. Андрей же был в том убежден. Он прикрыл дверь – резко, так, что она хлопнула, и быстро спустился по лестнице вниз. К себе идти не хотелось, он вернулся в сад. Гости, не приглашенные наверх, расположившись вокруг стола, мирно пили чай. Было скучно и тихо.

Ахмет сидел рядом с молоденькой княжной и изображал из себя таинственного контрабандиста.

Ирина Александровна отошла к парапету с незнакомой дамой. Фортепьянная музыка, еле доносившаяся из кабинета, оборвалась.

Пожилая фрейлина Ольга Петровна глядела, запрокинув седую гладкую головку, в небо, словно считала звезды.

Из дома вышла Глаша.

– Чай не остыл? – спросила она, ни к кому не обращаясь.

И тут раздался вопль юной княжны. Она вскочила.

Вскочил и Ахмет.

– Как вы посмели! – кричала она. – Как вы осмелились?

– Пардон, пардон. – Ахмет совершенно владел собой. – Я вас не понимаю.

– Это была ваша рука, – заявила княжна Татьяна. – Вот здесь. – Княжна указала пухлым пальчиком на свое колено.

– Возможно, это был дух. – Андрей показал наверх. – Вызываемые духи тянутся к женской плоти.

– Ах, какие могут быть духи! – возразила пожилая фрейлина. – Впрочем, поздно и пора домой. Там, – она показала в сторону дома, – скоро кончат?

– Идут уже, – сказала Глаша.

Андрей отошел к парапету. Он слушал вечернюю симфонию летней Ялты, состоявшую из громкого стрекота цикад, далекого пароходного гудка, пьяного голоса на улице, скрипа колес, шуршания шагов по камням тротуара и тысячи иных звуков.

Глаша подошла к нему.

– Ты зачем это сделал? – спросила она шепотом. – Я буду сердиться.

– Еще чего не хватало!

– Значит, это твой татарский дружок?

– Это был астральный дух.

– Фу! – сказала Глаша. – Какие еще астральные духи!

– Ты хорошо играешь, – сказал Андрей. – Я не знал, что ты училась.

Глаша подняла брови. Выразив таким образом недоумение, ничего не сказала.

Из дома вышли участники спиритического сеанса.

Первой попрощалась императрица. За ней потянулись остальные.

Андрей подошел к Ахмету.

– Ты что, забыл, что тебе пора на облучок? – спросил Андрей язвительно.

– Ну я схватил, – сказал Ахмет. – Я за то колено схватил, что было с твоей стороны. Ловко?

– Вы негодяй, господин Керимов, – сказал Андрей, которому стало смешно. – Лишь разница в общественном состоянии не позволяет мне бросить вам перчатку.

– Нет у тебя перчаток, – сказал Ахмет. – Но у нее очень гладкое колено, клянусь Аллахом.

– Внукам будешь рассказывать?

– Не исключаю, – согласился Ахмет. И кинулся было к воротам следом за Юсуповыми.

– Куртку не забудь! – крикнул Андрей. – В моей комнате.

Снаружи застучали копыта – первый из экипажей покатиł вниз. Громыхнул мотор – шоффер императрицы крутил ручку, заводя авто.

Сергей Серафимович стоял у ворот, прощаясь с последними из гостей. Господина Теодора не было видно. Андрей остановился на дорожке, смотрел, как Ахмет карабкается на облучок, а князь Юсупов, что уже сидит в экипаже, что-то выговаривает ему.

Андрей прошел к себе в комнату. Он думал, что ляжет и сразу заснет, – день выдался долгим и утомительным. Сел на кровать. Спать совершенно не хотелось. Дом был чужой, даже враждебный. Почему он здесь? Почему этот старый человек считается его отчимом? Что за комедию они разыгрывали перед знатными гостями? Андрей не сомневался, что стал свидетелем именно комедии. И почему он позволяет себе обращаться с Андреем как с мальчишкой?

С каждой секундой раздражение все более овладевало Андреем, и он понял, что избавиться от него сможет, лишь покинув не только эту тесную душную комнату, но и сам дом... Что удерживает его здесь? Проклятые побрякушки под половицей? Он прожил восемнадцать лет без побрякушек и сам найдет себе место в жизни. Черная магия, медиумы – как все это ничтожно! Жалки и те, кто сидел вокруг стола, с индюшачьим доверием слушая голос чрево-вещателя, и те, кто обманывал этих индюков и индюшек. Словно два дома увидел он за день – один при свете солнца, с мирной уютной Глашей, кормящей курочек, и отчимом, подрезающим розы. И ночной: дом-балаган, дом-обманка, вертеп с Глашей, которая делала вид, что играла на пианино, тогда как, наверное, звук исходил от умело припрятанного граммофона... А молодец Ахмет! Зря Андрей на него рассердился. Ахмет оказался свободнее и смелее всех – что ж, сын извозчика подержал за коленку княжну и убедился, что коленка у нее гладкая. Молодец... «Сейчас поднимусь и уйду отсюда. Выйду на шоссе, к утру доберусь до Алушты. А оттуда до Симферополя ходит линейка». Не вставая с койки, Андрей вытащил из-под нее свой чемодан и открыл его. Потом остановился: у него все равно не осталось ни копейки – придется взять у отчима. Или у Глаши? Лучше у Глаши. И он уйдет. Навсегда. Нет, у Глаши брать нехорошо. Она узнает – начнет отговаривать. Ее обижать неловко. К тому же он как джентльмен должен попрощаться с отчимом. Да, конечно, он поднимется сейчас же наверх и сообщит, что неотложные дела требуют его немедленного присутствия в Симферополе. А жаль, что он не знает, где живет Лидочка. Он бы пробрался на рассвете к ее окнам и положил на подоконник букет полевых цветов. Она услышала бы шорох, подошла к открытому окну, щурясь и протирая еще заспанные голубые глаза, и ахнула: «Вы что здесь делаете так рано, Андрюша?» И тут Андрей поймал себя на том, что Лидочка совсем не одета, и ему стало стыдно, как будто он в самом деле уже подошел к ее окну. «А почему мне не переехать в гостиницу? Я возьму у отчима денег – у него много, скажу, что уехал в Симферополь, а сам переселюсь во „Францию“. И завтра пойду на пляж, искупаюсь, а на набережной наверняка встречу Лидочку с Маргаритой». Он начисто забыл о Коле – настолько ему не хотелось о нем думать.

Теперь, когда все было решено, остался пустяк, правда, пустяк весьма неприятный – надо было подняться наверх и сообщить о решении отчиму.

Андрей вышел в коридор и остановился, прислушиваясь. Из-под двери на кухню пробивалась полоска света. Там лилась вода. Глаша мыла посуду. Тусклый свет проникал сверху, со второго этажа. Значит, отчим не спит. Это хорошо, потому что будить его было бы неприятно, а ждать утра – опасно. К утру решимость может выветриться.

Андрей поднялся по лестнице. Наверху горела электрическая лампочка.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Андрей постучал и сразу вошел, не дождавшись приглашения. Он увидел людей, испуганных его неожиданным вторжением. Господин Теодор стоял у стола, перед ним открытый саквояж, который он быстро захлопнул. Но Андрей догадался о том, что видит маэстро Теодора, только по одежде. На самом же деле без парика, лежавшего черной медузой на столе рядом с пиявками-бровями, Теодор превратился в жившего когда-то в этом доме дядю Федю, пегого, почти лысого, нескладного, страшно умного и ученого. Андрею тогда было лет семь-восемь, они гуляли с дядей Федей по берегу моря, дядя Федя был очень добрый и знал много удивительных сказок...

Рука пана Теодора непроизвольно дернулась к парику, схватить его и спрятать, но тут маэстро узнал Андрея и покраснел, словно его застали за постыдным занятием. Только крупный костистый нос остался белым.

– Ты что? – спросил раздраженно Сергей Серафимович. – Что-то случилось?

– Нет. – Андрею было неловко за свое вторжение. – Ничего. Но обстоятельства требуют... – Голос сорвался, пришлось сглотнуть слюну. – Моего немедленного возвращения в Симферополь.

Пан Теодор хмыкнул. Он уже пришел в себя. Парик и брови исчезли со стола.

– Высокий штиль, – сказал он. – Так изъяснялись маркизы.

– Извините, если я не так выразился. – Участие в маскараде дяди Феди еще более превращало все в балаган.

– Прости, что я открылся тебе не сразу, – сказал пан Теодор. – Но сначала тебя не было, а потом уж было поздно...

– Ничего, дядя Федя, – сказал Андрей. – Каждый зарабатывает деньги как знает.

– Пан Теодор сейчас уходит, – резко произнес отчим. – Позволь мне сначала проводить его. Потом поговорим.

– Ты не прав, Андрей, – сказал Теодор. – Ты же не знаешь, а судишь...

Но Андрей уже сбегал вниз по лестнице.

Он вышел в сад. Стрекотали цикады. У непогашенных фонариков беззвучно мелькали летучие мыши. Отчим и медиум прошли к калитке.

– Как говорится, с Богом, – сказал отчим. Медиум обнял его, и оба замерли на секунду.

Потом, когда калитка за господином Теодором закрылась, отчим остался возле нее, глядя на улицу. И даже не скрыл удивления, когда, наконец повернувшись к дому, увидел пасынка.

– Извини, – сказал он. – Я задумался.

Он направился к террасе, не сомневаясь, что Андрей идет за ним. Достигнув парапета, он оперся на него и сказал, глядя на море:

– В кабинете душно... Так что ты так торопишься мне сказать? Ты уезжаешь?

– Да, – сказал Андрей. Весь пыл и гнев куда-то испарились.

– Тебя смутил сеанс и моя роль в нем? Сам виноват – никто не просил тебя подглядывать.

Тон отчима не осуждал и не требовал ответа. Сделав паузу, Сергей Серафимович продолжал:

– Смущает неожиданное. За годы наших редких свиданий ты составил обо мне мнение: состоятельный и несколько чудаковатый старик. Не от мира сего, далекий от тебя и неинтересный. Сегодня за день ты дважды удивился. Сначала в моем кабинете... это таинственное и театральное представление сокровищ. Вряд ли тебе оно понравилось, но наверняка нарушило твое душевное равновесие, ибо большие деньги обязательно смущают человека.

– Меня не смущали.

– Ты сам не знаешь себя. На твоём месте я бы обязательно подумал: «Зачем выжившему из ума старику эти побрякушки? Лучше бы отдал их сразу. И я бы снял квартиру в Москве, купил бы хороший дом тете Марии и шил бы у лучшего портного на Петровке».

Андрей не стал возражать, хоть и признавал этим неприятную правоту отчима.

– Не мне тебя упрекать. И ах как глупо упрекать юношу, перед которым раскинулся мир, наполненный столькими соблазнами...

Сергей Серафимович гулко откашлялся, вытащил из внутреннего кармана сюртука трубку и кисет и принялся набивать ее табаком.

– Но, ангел мой, – сказал он, доставая спички, – то, что ты увидел сегодня, – тебе не принадлежит. До тех пор, пока я жив. Я не хочу, чтобы ты превратился в богатого бездельника.

– Я не просил показывать.

– После Глаши ты – самый близкий мне человек. В этом мире, в этот момент... Я отлично знаю, что соблазн завладеть моим богатством никогда не овладеет тобой настолько, чтобы ты потерял честь. И когда я сегодня показывал тебе мои сбережения, я внимательно следил за тобой.

– Я прошел испытание?

– Опять этот задиристый тон! Впрочем, не исключаю, что на твоём месте я вел бы себя так же. Человек ищет защиты от неприятной или необычной обстановки.

– Давайте договоримся, Сергей Серафимович. Я ничего не видел и обо всем забыл. Даю вам честное слово.

– Очень мило. Во-первых, ты ничего не забыл, и я не хочу, чтобы ты забывал. Во-вторых, ты не до конца меня понял...

Сергей Серафимович сделал паузу и вдруг задал вопрос, в котором звучала просьба:

– Лучше было бы сделать это завтра, но ты ведь спешишь?

– Да, – сказал Андрей, – мне надо в Симферополь.

Он испугался, что отчим станет допытываться, с какой целью он спешит домой. Тогда придется что-то придумывать, а он не придумал заранее, и отчим сразу догадается, что Андрей лжет.

– Что же, не могу спорить. Надеюсь, ты проведешь ночь здесь и не пойдешь пешком через горы?

Отчим говорил серьезно, словно в самом деле верил, что Андрей собирается ночью идти в Симферополь, и в этой подчеркнутой серьезности была издевка, которую Андрей постарался не замечать. И напоминание о детском поступке, который, оказалось, не был забыт.

– Я уеду утром, – сказал Андрей.

– Тогда перенесем наш разговор на июнь следующего года.

– На июнь?

– Допускаю, что ты вряд ли найдешь время посетить меня на рождественских каникулах, поэтому жду тебя сразу после весенних экзаменов. Но не позже. Ни в коем случае не позже.

– Ждете катаклизмов?

– Я уверен в катаклизмах, – сказал Сергей Серафимович.

Он глубоко затянулся, и красные искры вырвались из трубки.

– Хорошо, – сказал Андрей.

– Глаша тебе даст денег на дорогу, – сказал Сергей Серафимович.

– Спасибо.

– Вот вроде и все. Ты хотел что-то еще спросить?

– Нет.

– Неправда, Андрюша. Ведь главной причиной, как я понимаю, твоего неожиданного вторжения в мой кабинет, когда ты так испугал моего друга Федора...

– Господина Теодора?

– Вот именно. Тебе не понравилось то действие, которое мы тут устроили. Не так ли?

– Зачем это было?

– Эта комедия была нужна нам для цели достойной.

– Может быть. Я же ничего не сказал.

– Тогда считай, что мы с ним карбонарии, которые таким образом смогли вывести настроения и мнения правящей фамилии.

– Вы не хотите говорить со мной серьезно.

– Нет, не хочу. Между делом ты ничего не поймешь. Глаша рассказала мне о поступке твоего друга...

– Он пошутил.

– Это безобразие, – вдруг рассмеялся Сергей Серафимович. – Хватать за коленку Великую княжну! С ума сойти! Ну и друзья у тебя, Андрюша!

– Он мне не друг. Он приятель по гимназии.

– Не спеши отречься. Еще не прокричал петух.

Андрей глядел вниз. Огоньков было куда меньше, чем вечером. Только выделялась цепочкой искр набережная да светились иллюминаторы парохода, что швартовался у мола.

Большая ночная бабочка ударилась о фонарь так, что он закачался, спланировала вниз и уселась на рукав Сергею Серафимовичу.

– Ты все забыл? – спросил отчим.

Андрей пригляделся к бабочке. Толстое мохнатое тело, пеструшкины крылья чуть ли не в пядь.

– Церура винула, – сказал Андрей. Вернее, сказал его язык – он сам не думал, что помнит название этой редкой хохлатки.

– Правильно, большая гарпия. Чудесный экземпляр. У меня в коллекции куда хуже.

Бабочка лениво взмахнула крыльями и поползла по рукаву, набирая разбег. Потом сорвалась и полетела в темноту.

– А славно было в горах, – сказал Сергей Серафимович. И Андрей понял, что отчим ждет подтверждения своим словам.

– Славно, – согласился он.

Небо очистилось от облаков, и звезды на нем были яркими, чистыми, словно между ними и Андреем не было ничего – ни воздуха, ни расстояния. Где-то там внизу спит Лидочка. Ее волосы разметались по подушке, она улыбается во сне...

– Как спокоен и гармоничен этот мир, – произнес отчим. – Он не ведает ни смерти, ни крови. Хотя именно сейчас вон в том доме – видишь огонек – умирает от чахотки красивая молодая женщина. Она задыхается, она просит свою мать спасти ее... Впрочем, даже эти страдания и эта приближающаяся смерть не могут нарушить общей гармонии.

Андрей смотрел на одинокий огонек на склоне горы, ему казалось, что он летит к нему, к той комнате, где распахнуты окна, чтобы впустить ночной воздух, словно он видит, как та женщина приподнялась на локте и тянется к звездам, которые она видит в последний раз...

Огонек мигнул и погас.

– Что? – спросил Андрей вслух.

– Я ошибся, – просто ответил Сергей Серафимович. – Сцена, которую я тебе нарисовал, происходит в другом доме. А там, куда ты смотрел, только что легли спать. И потушили свет.

– Вы не знали? – Андрей почувствовал себя обманутым. Отчим был самым раздражающим человеком на Божьем свете.

– Завтра встанет солнце. Перед отъездом ты еще искупаешься и, может быть, даже увидишь прекрасную незнакомку... если не увидел ее сегодня. Ты находишься в том счастливом романтическом возрасте, когда прекрасное, каким бы хрупким оно ни было, легко находит путь к твоему сердцу. Мне приятно, что ты добрый и честный человек, Андрюша.

– Люди меняются.

– Чепуха. Я тебя отлично знаю. Хотя бы потому, что куда внимательнее наблюдал за твоим ростом и возмужанием, чем тебе кажется. Мне нельзя привязываться к людям, привязанность ведет к страданию. После смерти твоей матери я старался отрешиться от привязанностей. Может быть, я тебя обижал невниманием и кажущимся равнодушием. Когда-нибудь ты поймешь, что я старался это делать ради твоего же блага.

Сергей Серафимович замолчал, словно ждал вопроса, но не дождался и продолжал:

– Неумолимый и быстрый поток времени несет нас вперед, и там, впереди, обязательное расставание. Даже если ты можешь отчасти управлять этим потоком, поправляя курс лодки хрупким веслом, даже если тебе дано убежать от времени, оно все равно догонит тебя и сожрет.

У Хроноса ненасытная пасть. Если бы ты знал, сколько мне довелось пережить... Впрочем, тебе это неинтересно, потому что пока ты не замечаешь, как стремителен этот поток. Ты видишь лишь искры, что отражаются от золотых рыбок в глубине... Иди, тебе пора спать.

– Да, я пойду. Спасибо.

Сергей Серафимович чуть приподнял брови, словно удивился быстрому согласию пасынка, потом протянул руку, и Андрей пожал ее. Рука была сильной, прохладной и сухой.

* * *

Андрей ошупью прошел к своей комнате.

У кровати горел ночник, возле него носилась наперегонки ночная мошкара. Андрей задул ночник и думал, что заснет, но сон не шел. В закрытые глаза било солнце, оно ореолом окружало профиль Лидочки. «Господи, до чего я несчастен и одинок!»

Скрипнула половица, затем запели ступеньки. Отчим поднимался к себе в кабинет. Потом за стеной звякнуло, словно ложка о стакан. Значит, Глаша еще не спит. Вдали забрехала собака.

Воображение создало образ Глаши, что раздевается за стенкой, но звуки, доносившиеся оттуда, были непонятны... Все стихло.

Андрей не помнил, как поднялся. Он очнулся у Глашиной двери. Сердце билось, как после бега. Надо было толкнуть дверь, но рука была тяжелой и не подчинялась. Андрей мысленно уговаривал Глашу: ведь ты знаешь, что я здесь, ты должна открыть дверь...

Дверь не открывалась, и, поняв наконец, что стоять далее так невозможно, Андрей толкнул дверь ладонью. Дверь была заперта. Он удивился – от кого бы заперлась Глаша? Потом постучал костяшками пальцев. Никакого ответа. Он постучал снова.

И тогда услышал, как скрипнули пружины кровати и босые ступни зашлепали к двери.

– Ты что, Андрюша? – послышался шепот из-за двери, и Андрею стало сладко оттого, что она догадалась, кто именно пришел к ней ночью, и не сердится.

Андрей с ужасом сообразил, что не подготовил никаких слов, он не знает, что надо сказать и что положено говорить в таких случаях.

– Глаша, мне надо поговорить с тобой.

– Завтра поговоришь, Андрюша, спи.

– Глаша, я на минутку. Я только скажу два слова.

– Поздно.

– Но я тебя умоляю!

Звякнул крючок. Дверь приоткрылась.

Глаша была в длинной ночной рубашке, волосы распущены, глаза казались совсем черными. «Странно, – подумал Андрей. – Здесь совсем темно, а я ее вижу».

Одной рукой Глаша придерживала дверь, другую положила себе на грудь, прикрывая ее.

– Иди спать, – шептала она, удерживая дверь, потому что Андрей тупо нажимал на нее, норовя войти, словно в этом была его основная цель. – Иди спать, ты с ума сошел.

– Глаша, мне очень нужно, на минутку, ты же понимаешь...

– Глупый, глупый, Сергей Серафимович услышит, что же тогда будет?

– Он спит, ты же знаешь.

– Иди, Андрюша, иди, завтра проснешься, тебе стыдно станет.

Видно, сообразив, что так ей Андрея не пересилить, Глаша оторвала руку от груди и толкнула Андрея. Он перехватил ее полную горячую руку и потянул к себе. Но в этот момент наверху скрипнула дверь – то ли от сквозняка, то ли Сергей Серафимович не спал и, услышав шум снизу, вышел из кабинета. Андрей замер, а Глаша, воспользовавшись этим мгновением,

захлопнула дверь. Звякнул крючок. Андрей стоял затаив дыхание. Но сверху не доносилось ни звука. А по ту сторону двери стояла Глаша. Андрей знал, что она не уходит.

– Спокойной ночи, – долетел из-за двери шепот. Андрею послышалась в нем усмешка.

Он на цыпочках дошел до своей комнаты, закрыл за собой дверь и остановился у окна. Как все неловко и глупо вышло! Он, как барин Нехлюдов в «Воскресении», пытался овладеть горничной. Это же низко! В нем не было злости на Глашу – только раздражение против своей необузданной плоти – вся унижительность его положения обрушилась на него. Он не должен был так поступать – не имел права. Если бы вчера ему сказали, что он будет ломиться в дверь служанки отчима, он с оправданным презрением взглянул бы на того человека. Что же происходит с ним? Неужели зверь, заточенный в нем, столь силен и бесстыден, что заставляет забыть о высоком чувстве, посетившем его недавно?

В доме и в саду царила тишина. В предрассветный час даже цикады замолкли. «Глупо, глупо, глупо», – повторял Андрей, забираясь под легкое покрывало и накрываясь с головой, чтобы скорее заснуть и забыть обо всем. Ужасный день, постыдный день... Завтра с утра он уедет в Симферополь.

* * *

Утром Андрей проснулся поздно, в десятом часу.

Просыпаясь, он услышал сначала дневные веселые звуки: пение птиц, далекие голоса, квохтанье кур, звон ведра... Открыл глаза, увидел белый потолок, по которому пробежала замысловатая, похожая на Волгу трещина, и вспомнил ее – вспомнил, как в прошлом году так же просыпался в этой комнате и так же смотрел на эту трещину... Он потянулся, понимая, как хороша жизнь, и тут же зажмурился, потому что утро таило в себе обман – оно, такое светлое и невинное, сохранило память о вчерашнем. Скорее уехать... Может, выскочить через окно и, не прощаясь, покинуть дом, только бы не видеть укоризны в глазах Глаши, а то и презрительного выговора? А что, если отчим тоже услышал его ночные мольбы?.. «Господи, за что ты так наказываешь меня?»

Но если выскочить в окно – как доберешься до Симферополя без единой копейки? Искать Беккера? У него ничего нет, да и не хочется видеть его. Ахмет наверняка катает князей по горам...

– Андрию-уша! – сказала Глаша, заглядывая в окно. – Ты все на свете проспичь. Я уж два раза самовар ставила.

Глаша стояла за окном, опершись ладонями о подоконник. Она была в розовом платье с короткими рукавами и переднике, волосы собраны в темно-золотой пук.

– Доброе утро. – Андрей понял, что ничего дурного ночью не случилось. И в этом было возвращение счастья.

– Давай, давай, не залеживайся! – Глаша рассмеялась, показав ровные белые зубы. – Одна нога здесь, другая там!

Андрей вскочил с кровати, Глаша откровенно и весело глядела, как он натягивает брюки.

– Жарища сегодня будет, – сказала она. – Просто ужасно.

– Который час? – спросил Андрей. Ему хотелось как-то выразить благодарность Глаше за то, что она так легко отпустила ему ночные грехи.

– Скоро десять, – сказала Глаша. – Я тебе на кухне накрыла. Не обидишься?

– Да хоть в чулане!

Глаша ушла, и Андрей, умываясь, слышал, как она созывает кур:

– Цыпа, цыпа, цыпа... идите сюда; цыпа, цыпа, цыпа...

Андрей прошел на кухню – прохладную, светлую и чем-то иностранную, может, от белых плиток, которыми были покрыты стены, серебряного блеска кастрюль и золотого сияния тазов. Глаша застелила белой салфеткой край кухонного стола.

– А отчим где? – спросил Андрей.

– Сергей Серафимович с утра уехали, – сказала Глаша. – В Массандру, там какие-то профессора из Парижа собрались поспорить, чей виноград лучше. Ты же знаешь, он у нас большой ботаник.

Это даже к лучшему. В сущности, они уже вчера попрощались.

– Ты молочка сначала выпей, – сказала Глаша. – Знаешь почему? Его нам сверху, с Ай-Петри привозят. Там травы особенные, горные...

Глаша хлопотала, подставляла ему горный мед и черешню – это была обыкновенная, крепкая, налитая силой и здоровьем Глаша, совсем не та желанная, таинственная женщина, столь смутившая Андрея, когда он увидел ее за пианино в полутемном, наполненном жгучим пряным ароматом кабинете отчима.

– Просто чудо, – говорила она, – сегодня утром встаю – все куры, понимаешь, все без исключения снеслись. Ты только посмотри.

Она взяла с широкой полки большую миску, до краев полную яиц.

– Может, возьмешь с собой, Марии Павловне, а?

– Ну куда я с яйцами через перевал? – рассмеялся Андрей. – Я яичницу привезу.

Чай был душистый, темный, Глаша наливала его из заварного чайника с голубыми розами и щербинкой на носике. Андрею чайник был знаком уже много лет.

– Ты дальше что будешь делать? – спросила Глаша. – Сейчас домой или, может, искупаешься? В море хорошо сейчас!

– А в самом деле! – сказал Андрей. – Искупаюсь сначала.

– Только к обеду возвращайся. Я окрошку сделаю, у нас ледник хороший. Пообедаешь, поспишь, а как жара схлынет, поедешь. У нас теперь в Симферополь автобус ходит. Знаешь?

– Нет, не слышал.

– Евстигнеевы, которые раньше линейки держали, автобус купили. Немецкий. Дыму от него – ужас. К ночи дома будешь.

Все устраивалось как нельзя лучше.

– А ты небось купальный костюм не взял? Так в сундучке под твоей кроватью должен быть, еще с того года. Если, конечно, налезет. Уж очень ты широкий стал.

– А когда Сергей Серафимович вернется?

– Он к вечеру придет. Думаю, к вечеру. Куда спешить?

Было жарко, мухи жужжали у марли, натянутой на окно. Глаша – ах! – смахнула осу, что опустилась на скат груди. И Андрей тут же вспомнил ночь – не умом, а телом вспомнил. И отвернулся.

Когда Андрей, с легкой сумкой, в которой лежали купальный костюм, полотенце и томик Леонида Андреева, спустился вниз к пляжу, мысли его совершенно покинули дом отчима, и возможность свидания с Лидочкой завладела им. С каждым шагом к набережной все большее волнение овладевало Андреем. Жара господствовала на нижних улицах и у моря, набережная как вымерла, лишь левее мола, на городском пляже, слышны были голоса, которые сливались с шумом моря, совершенно спокойного и как будто масляного, но набегавшего на гальку неожиданно пушистыми пенными волнами.

Андрей постоял немного возле того киоска с сельтерской, где впервые увидел Лидочку, словно она должна была вернуться туда, а потом долго торчал на солнцепоке над пляжем, стараясь во множестве людей разглядеть Лидочку, что, конечно же, было невозможно, тем более что в большинстве люди старались, выбравшись из моря, сразу спрятаться под полосатые тенты или зонты.

Почему же он так легкомысленно решил, что увидит Лидочку именно здесь? Ведь не исключено, а даже вероятно, что Беккер мог пригласить ее на Ай-Тодор или к водопаду Учан-Су, чтобы провести с ней время в прохладе гор и леса, а не здесь... И поняв, что Лидочка сейчас находится где-то в обществе Коли, Андрей расстроился. К тому же, вспомнив о Коле, он понял, что ведет себя не как джентльмен, потому что даже в мыслях не должен был желать встречи с Лидочкой, сердце которой принадлежит Беккеру.

Андрей спустился на пляж. Места под тентом ему не нашлось, потому он расстелил полотенце прямо на гальке, разделся и улегся с книгой, которую раскрыл, но читать не намеревался. Купальные трусы, что он отыскал в сундуке, были тесны и старомодны – полосатые, они почти достигали колен, тогда как многие модники ходили по пляжу в куда более коротких одноцветных трусах.

Солнце палило безжалостно, и через несколько минут бесцельного разглядывания купальщиков Андрей поднялся и пошел к воде. Войдя в море по колени, он долго стоял, с удовольствием ощущая, как волны разбиваются о его ноги и брызги холодят тело. В отличие от большинства обитателей сухопутного Симферополя Андрей хорошо плавал. Сергей Серафимович специально, еще в первом классе, научил его плавать, причем разными стилями.

Преодолевая сопротивление воды, Андрей рванулся вперед и нырнул. И стал частью моря, жителем его, для которого вода ничуть не опаснее воздуха.

Андрей поплыл к сверкающей дали. Голоса и шум пляжа остались сзади, вокруг было только море, солнце, небо и он сам.

Андрей перевернулся на спину и закрыл глаза. Солнце обжигало лицо, а телу было прохладно.

И этот покой и простор изгнали из Андрея мелкие печальные мысли. Он был песчинкой в море мироздания, оплодотворенной сознанием и ощущением простора. Река времени, о которой говорил отчим, была бескрайней и чистой, как Черное море, которое никогда не станет грязным и мелким.

Когда Андрей открыл глаза и огляделся, оказалось, что его отнесло довольно далеко от берега. Он не спеша поплыл обратно, преодолевая течение и даже зная заранее, в каком месте пляжа выберется на берег.

Наконец берег приблизился, но Андрею не хотелось вылезать на солнце, и он, лениво поводя руками, замер в воде, разглядывая пляж, белые домики, поднимавшиеся по зеленому откосу к темной щетине леса, из которого торчали скалистые зубы Ай-Петри.

– Коля! – закричал женский голос совсем рядом. – Иди сюда!

Радость и разочарование столкнулись в сердце Андрея.

На берегу, у кромки воды, стоял Коля Беккер, в модных красивых купальных трусах, сложенный как греческий бог, уже успевший легонько, в красноту, загореть, так что не выделялся, подобно Андрею, своей белизной среди прочих купальщиков.

Андрей повернул голову и увидел, что в двух саженях от него по пояс в воде стоят Маргарита и Лидочка. Маргарита машет руками, призывая Колю, а Лидочка поправляет ленту, которой схвачены ее русые волосы. Обе были в красивых купальных костюмах, только на Маргарите он был голубой без узоров, а Лидочка была в зеленом костюме, рисунок на котором представлял собой волнистые линии, словно был продолжением морских волн.

Первым увидел Андрея Коля.

– Смотри, кто к нам пожаловал! – крикнул он, шагнув к воде. – Как ты выследил нас, Посейдон?

В несколько гребков Андрей выплыл на мелкое место и встал.

– Я вас не выслеживал! – ответил он. – Я только что приплыл. Вон оттуда!

Лидочка смотрела на него, рассеянно улыбаясь, как хозяйка гостю, который пришел поздно, а все стулья за столом заняты.

Коля вошел в море, рассекая коленями воду, и остановился между девушками и Андреем.

– А я думал, что ты сегодня утром уедешь.

– Я тоже так думал, – сказал Андрей с некоторым злорадством, ощущая настороженность Беккера. – Но потом решил искупаться. Вы давно здесь?

– Недавно пришли, – сказала Маргарита. Она собрала пышные волосы под специальную купальную шапочку, и оттого обнаружились широкие скулы, а нос и глаза казались куда больше. Она выглядела совсем иначе, чем вчера, – грубее и чувственней, – и это к ней притягивало.

– Ахмета видел? – спросил Коля.

– Он вчера у нас был, – сказал Андрей. И не удержался: – Вместе с Марией Федоровной и Юсуповыми.

– Какой Марией Федоровной? – спросила Маргарита.

– Вдовствующей императрицей.

Коля фыркнул, выказывая недовольство неудачной шуткой приятеля.

– Что же им у вас делать?

– Они знакомы с отчимом, – сказал Андрей. – Он пригласил для них знаменитого медиума.

– Ой! – сказала Лидочка. – Вы вызывали духов?

– Господи, какая чепуха, – сказал Коля. – Мы живем в двадцатом веке, и среди нас все еще бытуют ведьмы, медиумы и хироманты. Я почему-то представлял твоего отчима интеллигентным человеком.

– Вы не правы, – сказала Лидочка. – В потустороннее существование верят известные и уважаемые люди.

– Я не имею в виду религию, – сказал Коля. – И не отрицаю существования высшей силы. Но суеверия – увольте!

– Не знаю, – сказала Лидочка, смутившись, словно стеснялась собственной отсталости. – Но мне кажется, что в этом что-то есть.

– Поплыли! – предложил Андрей. – Чего здесь стоять?

Андрей отлично знал, что Коля не умеет плавать, хотя вряд ли позволит себе в этом признаться.

– Конечно, поплыли, – поддержала его Лидочка.

– Ты же знаешь, что я плаваю, как топор, – раздраженно сказала Маргарита.

– Я вас буду учить, – сказал Андрей, обрадовавшись тому, что Лидочка согласна плыть.

Он надеялся на это с самого начала, потому что знал, что в отличие от прочих Лидочка – ялтинская.

– В самом деле, это неэтично, – сказал Коля. – Мы не можем оставить Маргариту одну.

– Спасибо, – сказала Маргарита и благодарно взяла его за руку. – А вы далеко не заплывайте!

Лидочка, изогнувшись назад, неожиданно выскочила из воды и резко, размашисто поднимая тонкие загорелые руки, поплыла на спине от берега. Андрей догнал ее и поплыл рядом.

– Вы не устанете? – спросил он.

– Я могу весь день плыть, – сказала Лидочка. – Я же здесь выросла.

– Меня отчим учил плавать, – сказал Андрей.

– Я его видела, – сказала Лидочка. – Он такой высокий, худой, с трубкой всегда ходит.

– Я не знал, что вы знакомы.

– Мы не знакомы, но зимой Ялта становится совсем пустая, и в ней остаются только постоянные жители. И я всех знаю в лицо, особенно если это необычный человек.

– Он ученый, ботаник, – сказал Андрей.

– Я слышала. А в самом деле у вас была императрица?

– Разве я похож на лжеца?

– А на кого похожи лжецы? – спросила Лидочка. В ней было лукавство столь близкое к наивности, что Андрей не мог, да никогда и не сможет провести между ними грань, да и сама Лидочка порой не отдавала себе отчета в том, шутит ли она либо серьезна в своей деловой наивности.

– Лжецы носят на себе печать. Посреди лба. Как клеймо.

– Спасибо, а то мне так трудно порой разобраться, кто хочет мне добра, а кто хочет меня обмануть.

Они плыли не спеша, море было как бы продолжением их тел и этим их объединяло.

– И вы тут всегда живете?

– Да, уже шестой год, – сказала Лидочка. – У мамы начался процесс в легких, и врачи посоветовали изменить климат. Папа перевелся сюда из Одессы.

– А как сейчас ваша мама?

– Спасибо, ей лучше.

– У меня мама тоже здесь жила, – сказал Андрей.

– А потом?

– Она умерла от чахотки, – сказал Андрей.

– Здесь? Давно?

– Давно, я был совсем маленький.

– Простите, я не знала.

– Это было давно.

– Как странно встретить человека, у которого такая же беда...

– Но ваша мама выздоровеет.

– Спасибо. Поплывем обратно?

– Давайте еще немного, – сказал Андрей. – Вон до той лодки. Посмотрим, что поймал этот чудак.

– А наши не будут волноваться?

– Волноваться можно, когда что-то угрожает.

– Волнуются, когда кажется, что есть угроза.

– Это называется – пустые хлопоты.

Вблизи лодка оказалась куда больше, чем издали, – ее черный борт навис над пловцами. Толстый человек с темным лицом, в широкополой соломенной шляпе, крикнул:

– Не подплывайте, лески оборвете!

– Мы хотели у вас рыбы купить! – сказал Андрей.

– Ну что за нравы! – рассердился толстяк.

– Поплыли обратно, – сказала Лидочка. – Он ничего не поймал и боится в этом признаться.

Вдруг толстяк резко поднялся в лодке, так что она опасно закачалась, чуть не зачерпнув бортом воды. Он выпрямился, подняв со дна лодки связку крупных скумбрий, и, размахивая ею в воздухе, воскликнул:

– Это называется «не поймал»? Это так называется? Какое вы имеете право обвинять человека, ничего не зная?

Андрей так рассмеялся, что чуть не наглотался воды, а Лидочка заработала руками, как мельница, отплывая от сердитого толстяка. Она тоже смеялась.

– Вам это и не снилось! – кричал рыбак вслед.

Потом уселся на банку и резко потащил из воды одну из удочек. Серебряная рыба взметнулась вверх к солнцу и неудачно упала на шляпу рыболову, шляпа свалилась в воду, он перегнулся, доставая, а потом стал помогать себе веслом, а рыба подпрыгивала в лодке. Это было

смешно, они плыли и смеялись. Потом Лидочка обернулась назад и высоко подняла из воды руку, прощаясь с рыбаком, который уже снова склонился над удочками.

– Вы зимой здесь будете жить? – спросил Андрей.

– Я кончаю гимназию, – сказала Лидочка. – А вы куда?

– В университет. В Москву.

– Я жду не дождусь будущего года, – сказала Лидочка. – Мне так надоело здесь жить, как в банке, где все пауки уже знакомые.

– Я думал, что вам здесь нравится.

– Летом бывает интересно, а осенью и зимой ужасно.

– А вы что будете делать после гимназии?

– Я хочу стать художником.

– Вы рисуете?

– Я пишу акварели.

– У меня нет ни одного знакомого художника.

– Если хотите, мы можем зайти к нам. Только вам не понравится. Это только пейзажи и цветы. Я беру уроки у одной дамы.

– Мне обязательно понравится, – убежденно сказал Андрей.

Лидочка посмотрела на него внимательно. Они плыли совсем рядом – можно было протянуть руку и дотронуться.

– Коля фон Беккер ваш друг?

– Он на год раньше кончил нашу гимназию. И сосед. Мы с ним в одном переулке живем.

– В переулке?

– Да, в Глухом переулке.

– Какое смешное название. Почему он Глухой?

– Он маленький и никуда не ведет. И в нем живут небогатые люди.

– Не сердитесь, – сказала Лидочка. – Но я не люблю этих разговоров – кто богатый, кто бедный. Я, наверное, стану социалисткой. Я – сторонница равноправия людей.

Берег был уже совсем близко. Коля и Маргарита стояли по пояс в воде и разговаривали, поглядывая на море. Завидев головы пловцов, Маргарита замахала руками.

– Вы не утонули! – кричала она. – А мы уж хотели искать лодку, чтобы вас спасти.

– Маргарита – без ума от Коли, – сказала Лидочка.

Под ногами было дно. Андрей встал. Коля был мрачен.

– Нельзя заставлять других волноваться, – сказал он.

Они пошли под тент, который загодя занял Беккер.

Под тентом была расстелена циновка, на деревянном лежаке стояла корзина, которую девушки принесли из дому. В ней была снедь и бутылка красного вина, купленная Колей. Девушки сначала отказались пить вино, но за неимением воды согласились пригубить. Стаканов было только два, и пили по очереди. Андрей сделал так, чтобы пить после Лидочки. Он повернул стакан в руке, стараясь отыскать то место, которого касались губы Лидочки. Маргарита заметила это движение и громко сказала:

– Андрей, если вы хотите узнать Лидочкины мысли, не старайтесь.

– Почему?

– Они пока заняты не вами. – И громко засмеялась.

На берегу Коля чувствовал себя куда уверенней, чем в море. Он в основном говорил, и притом остроумно. Андрей бы так не смог.

Вино согрелось, сразу хмельно растворилось в крови, и жара стала сильнее.

Коля рассказал о Петербурге, как они ездили на Черную речку, где убили Пушкина, а потом о другой дуэли, которая случилась у них на курсе. Андрею не о чем было рассказывать – он был младшим. Но помогла Маргарита, которая вдруг вспомнила:

– Андрей, вы обещали рассказать нам, какой дух вчера приходил к вам.

– Сначала был голос, – сказал Андрей. Он не верил в духов и тем более не верил во вчерашний сеанс. Честно говоря, если бы он рассказывал об этом одному Коле, то признался бы, что и сам отчим не настаивает на истинности событий, признавая розыгрыш. Но Маргарита и Лидочка жаждали таинственного, и потому Андрей принялся описывать ночные события так, как если бы он глубоко в них верил.

Коля смотрел по сторонам, показывая всем видом, насколько скучен ему этот бред, Маргарита делала большие глаза и расстраивалась, что ее там не было, потому что она знает немецкий и поняла бы, о чем говорили императрица и дух князя Георгия.

Андрею с Колей досталась почти вся бутылка. В голове шумело, Андрей хотел показать, как он ходит на руках, но упал. Маргарита смотрела на Беккера. Потом получилось неловко, потому что Коля принялся врать о своих предках, утверждая, что его дедушка барон, а у его кузенов в Шварцбурге есть замок.

– Как-то к нам в дом, в Симферополе, приехала старуха. – Коля положил пальцы на кисть Лидочке, и та не убрала их. – И спрашивает моего отца. Я попросил ее подождать в вестибюле и поднялся в библиотеку к отцу.

Андрей еле удержался от смеха. Интересно, куда он поднялся – на крышу, которую они вместе месяц назад латали? Хорош вестибюль. Два шага на два, а в углу отцовские костыли. Но, конечно же, поправить Колю он не мог. Но Лидочка вдруг убрала свою руку и спросила невинно:

– Это где, в Глухом переулке?

– Нет, – быстро нашелся Коля. – Это в другом нашем доме. На Екатерининской.

И так посмотрел на Андрея, словно был его злейшим врагом.

– Продолжайте, – сказала Лидочка милостиво, она не поверила Коле.

Но Коля потерял интерес к рассказу.

– Ничего особенного, – сказал он. – Это было письмо от бабушки.

Полдень прошел, небо стало бесцветным от жары, волны исчезли, и море лениво, из последних сил, лизало гальку.

Коля поднялся и пошел к морю. Остановился, обернулся и сказал:

– Лида, можно вас на минутку? Мне надо вам сказать кое-что.

Лида поднялась, как поднимается пантера, – легко, как будто это движение не требует ровным счетом никаких усилий. Она пошла к Коле, и Андрей из-под тента, снизу, смотрел ей вслед – солнце било в глаза. Коля с Лидочкой были силуэтами. Лишь волосы, пронзенные светом, горели нимбами.

Они встали рядом, потом медленно, беседуя, пошли к воде, и Андрей любовался совершенными в девичьей угловатости линиями ее тела, но в то же время не мог не видеть Колю, тоже стройного и отлично сложенного. Коля всегда следил за своим телом – он был чрезвычайно чистоплотен и более других проводил времени в гимнастическом зале, за что буквально обожал учитель гимнастики. Дома у Коли были гантели разного веса и даже прыгалки. Как-то на спор он подтянулся шестьдесят раз на турнике. У Андрея больше десяти раз никогда не выходило.

Маргарита тоже смотрела им вслед.

– Мистер Андрей, – сказала она, – бедным духом остаются надежды.

– У меня нет надежд, – сказал Андрей.

– А вот это глупо! Я никогда не теряю надежды. И чаще всего добиваюсь своего.

Андрей пожал плечами. Еще не хватало, чтобы его учили жить.

О чем они говорят? Впрочем, ему нет до того дела. Жаль, что он проговорился случайно – впрочем, случайно ли? – о Глухом переулке. Это же ничего не изменит.

– Удивительно гармоничная пара, – сказала Маргарита. – Но ничего из этого не выйдет. Николя – мой.

– Я окунусь еще разок, – сказал Андрей. – Мне пора уезжать.

Он встал и быстро пошел к морю, чтобы они не подумали, что он хочет участвовать в их разговоре.

В голове шумело, ноги были вялыми, и Андрей сказал себе, что далеко он заплывать не будет – так и утонуть недолго.

Скользя по гальке, он пробежал мимо Коли и Лидочки и ворвался в воду, с наслаждением ощущая, как ее прохлада сопротивляется разгоряченному телу.

Он зашел по бедра, когда, к удивлению, услышал сзади голос Лидочки:

– Андрей, подождите, я с вами!

Он продолжал идти вперед, не оборачиваясь, но все медленнее, может быть, потому, что стало глубоко, по пояс, по грудь... Андрей нырнул и, когда поднялся на поверхность, увидел совсем рядом лицо Лидочки.

– Ужасно жарко, правда? – крикнула она.

– Ужасно, – сказал Андрей, которого охватило беспочвенно пустое и быстротечное ощущение полного счастья.

На этот раз они плавали недолго. Лодки с рыбаком уже не было. Лидочка сама предложила:

– Давайте вернемся, у меня от этого вина голова плохая.

– Вы в него влюблены? – неожиданно для себя спросил Андрей.

– Не задавайте глупых вопросов, – сказала Лидочка.

Коля сидел под тентом, слушал, что говорит ему Маргарита, смотрел на море. Андрей сказал, что ему пора уходить. Маргарита сказала, что, может быть, ему следует подождать; «вместе пообедаем, а потом по холодку поедете».

Коля сказал, что проводит Андрея. Он его, конечно, не задерживал.

Лидочка на прощание протянула ему руку, и Андрей заглянул ей в глаза. Глаза были спокойные, ласковые, но не более. Андрей осторожно пожал ее тонкие пальцы.

Они поднялись на парапет. Коля сказал:

– Я не ожидал от тебя.

– Прости, – сказал Андрей. – Это произошло случайно. Лидочка спросила меня, где я живу, а я ответил, что мы с тобой живем в Глухом переулке.

– Ладно, я не сержусь, – сказал Коля. – Я так и подумал, что не нарочно.

– Я ведь не спорил, когда ты сказал о втором доме, на Екатерининской, господин фон Беккер.

– Еще этого не хватало, – серьезно ответил Коля. – Тогда бы я тебя просто убил.

– Учту на будущее, – сказал Андрей. Коля засмеялся и шлепнул Андрея ладонью по плечу.

У него были очень белые зубы и добрая улыбка.

– Ладно, – сказал Андрей. – Прощай. Теперь долго не увидимся.

– Жаль, что ты поступаешь не в Петербурге, – сказал Коля. – Мы бы могли снимать с тобой комнату на двоих. С другом всегда лучше. И дешевле.

– Увидимся на рождественских каникулах, – сказал Андрей.

– Погоди, – сказал Коля. – У меня к тебе небольшая просьба. Ты не мог бы мне ссудить три рубля? Я тебе вышлю.

– Честное слово, – сказал Андрей. – Честное слово, у меня нет ни копейки. Мне дядя перед отъездом должен дать. Только мелочь...

– Тогда давай мелочь, – согласился Коля.

Андрей полез в карман своих старых брюк, там был рубль и еще шестьдесят копеек, привезенные из Симферополя.

– На безрыбье и рак рыба, – сказал Коля. – Придется искать где-нибудь Ахмета. Ты не знаешь, где он ночует?

– Вернее всего, на вилле у Великих князей. В Ай-Тодоре.

– Да, плохо мое дело.

– А у девушек занять не сможешь?

– Это недопустимо, сам понимаешь.

– Маргарита с радостью одолжит тебе, – сказал Андрей.

– Она влюблена в меня, как кошка, – сказал Коля. – Даже удивительно.

* * *

Андрей поднимался в гору, стараясь держаться узких полосок тени. Он вспотел, потому что воздух был неподвижен, и теперь жалел о том, что пил красное вино. Даже сумка с книжкой и полотенцем казалась тяжелой. В голове царил тупость, он старался думать о чем-нибудь возвышенном, но перед глазами были коленки Лидочки и обтянутая купальным костюмом грудь.

Раза три передохнув, Андрей все же забрался на гору, к дому отчима. Здесь было чуть прохладнее. Филька вышел к воротам, язык его свисал чуть ли не до земли. Филька вежливо помахал хвостом, выказывая таким образом радость, и тут же побрел в тень. Даже кур на дворе не было – попрятались. Листья винограда лениво повисли над дорожкой, только розы гордо тянули к солнцу свои разноцветные головы. Дом был тих и будто покинут.

Андрей вошел в коридор. Там было прохладно и после солнца полутемно. Андрей толкнул дверь к себе в комнату и метнул с порога сумку на кровать. Затем он включил душ и с наслаждением долго стоял под ним, пока не замерз – вода к дому поступала с гор, всегда холодная. Растеревшись полотенцем, Андрей почувствовал, что проголодался.

Он вышел в коридор и позвал Глашу.

– Я здесь, Андрюша, – откликнулась та откуда-то издалека.

Андрей заглянул на кухню. Посреди кухни был открыт люк в подпол, оттуда как раз поднималась Глаша. Она держала в руках большой глиняный горшок, затянутый марлей.

– Держи, – сказала она, протягивая горшок Андрею. – Я обещала тебе холодной окрошки.

– Глаша, ты прелесть, – сказал Андрей. – Ты самая прекрасная и заботливая женщина на свете.

Он поставил горшок на стол, Глаша тем временем вылезла из подпола и захлопнула крышку.

На столе стояла запотевшая бутылка вина, хлеб был уже нарезан.

– Я так и рассчитала, – сказала Глаша, – что наш юный джентльмен явится к трем часам. А как калитка хлопнула – я сразу в подпол.

Она засмеялась.

– Вино будешь пить?

– Я на пляже вино пил.

– Зря, – сказала Глаша. – Там жарко, и вино небось было согретое.

– Почти горячее.

Глаша налила ему окрошки в глубокую тарелку, положила ложку густой сметаны.

– Вино надо пить за обедом, охлажденное, не спеша. Это очень полезно для здоровья. А теплую бурду на пляже пьют только пьяницы и бродяги.

– Ну тогда налей бродяге, – сказал Андрей. – Только вместе с тобой. Я не умею пить вино один.

– Значит, ты не гурман, – сказала Глаша. – Сергей Серафимович пьет вино только самое лучшее и для вкуса. Он считает, что собутельники только мешают.

Вино выпустило пузырьки, и они побежали вверх, некоторые, ленивые, приклеивались к стенкам бокала. Бокал сразу запотел.

– А где отчим?

– Рано ему еще возвращаться.

– Думаешь, не дождусь его?

– Наверное, не дождешься. Автобус отходит ровно в половине шестого. А тебе туда минут пятнадцать идти.

– Ты что же себе не наливаешь?

– Я не одета совсем, – сказала Глаша. – Неловко вино пить в таком затрапезном виде.

– Никакой не затрапезный, – сказал Андрей. – Ты очень красиво выглядишь.

– Хоть передник сниму, – сказала Глаша.

Она поднялась, взяла из буфета еще один бокал, потом сняла передник, бросила его на табурет у плиты.

Они чокнулись. Бокалы зазвенели празднично и тонко.

Вино было холодное, как родниковая вода.

– Вкусно, – сказала Глаша. – Правда вкусно?

– Вкусно, – признал Андрей.

– Я вообще-то сладкое вино люблю, мадеру, но когда жарко – и такое хорошо.

Она вновь наполнила бокалы.

– Тебе скучно здесь, наверное, – сказал Андрей.

– Мне некогда скучать. Весь дом на мне, – сказала Глаша.

– Я никогда не знал, что ты на пианино играешь. Или это тоже фокус был?

– Играю, – сказала Глаша.

Сказала коротко, так что дальше спрашивать было неудобно.

– Ты ешь крошку, – сказала она, – я сейчас рыбу разогрею.

Андрей ел крошку, Глаша отошла к плите, разогрела ее и поставила сковородку. Рыба сразу начала скворчать, потянуло запахом подсолнечного масла.

Андрей хотел что-то сказать Глаше – но, обернувшись, забыл об этом, потому что она стояла близко к нему и глаз его натолкнулся на линию бедер и крепкие лодыжки, видные из-под короткого платья.

– Друзей своих видал? – спросила Глаша, не оборачиваясь.

– Видал, – сказал Андрей. Взгляд его поднялся к ее плечам.

– Небось девушки красивые, да?

– Девушки? Да, девушки красивые.

«Что я делаю? Чего я хочу? Разве я влюблен в Лиду, если я так смотрю на Глашу? Наверное, я очень дурной, испорченный человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.